ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 42 (3226) Четверг, 8 апреля 1954 г. Цена 40 коп.

ШКОЛА НАРОДНОГО ОПЫТА

1 августа откроется Всесоюзная сельскохозяйственная выставка

Первого августа в Москве откроется постоянно действующая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. В постановлении правительства и Центрального Комитета КПСС о выставке говорится, что она открывается для широкой пропаганды достижений сельского хозяйства, быстрейшего внедрения в колхозное и совхозное производство передового опыта колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, передовиков и организаторов сельского хозяйства, а также достижений научно-исследовательских и опытных учреждений.

Правительство и Центральный Комитет партии установили срок окончания работ по отбору и представлению кандидатов на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку — 15 мая 1954 года; утверждены также показатели и условия для отбора ее участников, установлены награды и поощрения для лучших из них.

Соревнование тружеников колхозной деревни за право участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке послужит мощным средством дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства, поможет успешному выполнению задач, поставленных сентябрьским и февральско-мартовским Пленумами ЦК КПСС.

Советские люди хорошо помнят выставку в 1939—1941 годах.

Теперь выставка украсится еще более грандиозными зданиями. Да и само ее расположение изменилось. Главный вход, например, построен на новом месте — у Алексеевской слободы (левее Ярославского шоссе). Над всей территорией выставку, площадь которой увеличена на 59 гектаров и равна теперь 206 гектарам, доминируют новые здания Главного павильона с позолоченным высоким шпилем и павильона «Механизация и электрификация сельского хозяйства» со сводчатым куполом. Чтобы ясны были размеры этого павильона, достаточно сказать: прежнее здание имело четыре зала для демонстрации сельскохозяйственных машин, теперь таких залов 26. Все старые павильоны реконструированы. А всего на территории ВСХВ построено более 300 разных павильонов, зданий и других сооружений.

Сейчас на выставке заканчивается горячая пора строительства. В павильонах кое-где еще завершаются малярные и отделочные работы. Энергично работают художники-оформители и методисты, которым надо за короткий срок разобрать и расставить на свои места сотни тысяч экспонатов.

На выставку начали прибывать живые экспонаты для 79 павильонов животноводства. Тут будет более пятисот голов крупного рогатого скота тридцати пород, лошади всех основных пород. На современной птицефабрике посетитель увидит весь процесс разведения птицы — от закладки яиц в инкубационные шкафы и до рождения цыплят. Созданы водоемы для тысячи гусей и уток.

В прежние годы у посетителей ВСХВ большой интерес вызывал Мичуринский сад. Сейчас его не узнать. Он разросся, площадь под фруктовыми деревьями увеличилась до семи гектаров. Это дало возможность представить на выставке не только все основные сорта, созданные И. В. Мичуриным.

Помимо деревьев, представленных в плодовом саду и на экспонатных лесополосах, основная масса посадок — в том числе и фруктовые деревья — является составной частью общего архитектурного оформления выставки.

Вокруг павильонов республик, например, высажены такие породы деревьев, которые дополняют национальный колорит и особенности сооружений. Так, у павильона Грузии создана горка с чайными кустами. Для них пришлось готовить на зиму не только соломенную «шубу», чтобы предохранить теплолюбивые субтропические культуры от морозов, но и привезти с Кавказа специальный грунт.

У павильона Армении стоят закутанные еще до сих пор стройные серебристые пирамидальные тополи. У павильонов среднеазиатских республик высажены саксаул, тамариск, джугун; сюда пришлось привезти из пустыни и заложить на большую глубину мощную песчаную подушку.

На выставке высажено 44 500 взрослых деревьев, 457 тысяч кустарников, тридцать с лишним тысяч кустов роз, 420 тысяч многолетних цветов. Сейчас идет подготовка к весенним посадкам. Надо высадить дополнительно 350 взрослых деревьев, множество кустарников; посадить около пяти миллионов летних и ковровых цветов.

Мы привели только несколько цифр, несколько фактов. Но и они свидетельствуют о грандиозности выставки. Это будет подлинная школа народного мастерства, выдающихся успехов по урожайности сельскохозяйственных культур, по продуктивности скота и по производительности машин. На выставке будут представлены плоды трудов лучших людей колхозной деревни. Трактористы, комбайнеры, полеводы, опытники-новаторы, доярки, пасечники, свинарки, агрономы, зоотехники, изобретатели — вот кто будет показывать свои достижения! Нигде и никогда в истории так не возвеличивался труд работников земли, нигде и никогда не был такой славой овеян труд крестьянина, как в нашей стране.

В строительстве павильонов выставки, в их оформлении, в озеленении территории принимают участие промышленные организации, многие институты, лаборатории, мастерские, тысячи рабочих, специалистов, художников и ученых. Вот почему можно сказать, что наша выставка отразит не только успехи социалистического земледелия, но и достижения советского машиностроения, нашей науки, архитектуры, живописи и скульптуры.

Через три с половиной месяца широко распахнутся двери павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — наглядной школы высокого мастерства тружеников колхозной деревни, которые настойчиво борются за претворение в жизнь решений партии и правительства о крутом подъеме сельского хозяйства.

Гордость французской культуры

Вчера в Малом театре начал свои гастроли в Москве лучший театр Франции «Комеди франсез». В день открытия гастролей была показана комедия Мольера «Тартюф» в исполнении выдающихся актеров Франции — Жана Ноэля, Жана Мейера, Луи Сенье, Антра Фалькона, Луи Эймона, Анри Роллана, Жана-Луи Жемма, Берт Бови, Беатрис Бретти, Анни Дюко, Мишелин Буэз. Постановщик спектакля Леду.

По окончании спектакля Жан Ноэль, Жан Мейер, Беатрис Бретти исполнили литературную композицию «Слово к Мольеру».

Московские зрители тепло приняли французских артистов. После спектакля гостей приветствовала делегация мастеров искусств столицы. Народный артист СССР М. Царев от имени советской театральной общественности выразил французским артистам горячую признательность за чудесный спектакль.

— Мы получили,—сказал он,—возможность ознакомиться с мастерством артистов, по праву считающих себя хранителями французского сценического искусства. Приезд артистов Франции в Советский Союз несомненно поможет укреплению дружбы и взаимопонимания между французским и советским народами.

В ответной речи артист Жан Ноэль поблагодарил за оказанный теплый прием, за высокую оценку творчества французских актеров, выразил надежду, что спектакли «Комеди франсез» в Советском Союзе будут способствовать культурному сближению двух великих народов.

***

На сцене «Дома Щепкина» мы увидели искусство «Дома Мольера». Театр, который почти три века был представителем передовой общественной мысли Франции, для своих московских гастролей избрал пьесы, в которых ярко проявляется дух и стиль этого театра.

Мы высоко ценим чувства долга и чести, которыми наделен человек, мы воспитываем эти чувства в нашей молодежи на великих примерах прошлого и потому рады, что увидим корнелевского «Сида». Пусть старый сюжет этой трагедии,— она донесет до нашего зрителя высокие идеалы чести, благородства, вечно живые в душе народа Франции.

Наш народ презирает и беспощадно осмеивает человеческие пороки. Слово злой сатиры разит лицемерие, ханжество, стяжательство в «Тартюфе» Мольера. А разве перевелись эти пороки в наши дни? И сейчас, как современная, звучит эта пьеса, и не напрасно еще недавно мы восхищались этой комедией на сцене МХАТ в постановке К. Станиславского и М. Кедрова. Эту одну из лучших комедий Мольера театр сопровождает «прославлением» автора.

Прекрасная традиция! Советские зрители присоединят и свои голоса к торжественному «слову» в честь великого писателя!

Пьесы Мольера не сходят с подмостков наших театров. «Тартюф», «Лекарь поневоле», «Скупой», «Мещанин во дворянстве», «Проделки Скапена» пользуются любовью советского зрителя за юмор, злую сатиру, за чудесные интермедии, которыми украсил Мольер свои шедевры. Любят посмеяться советские люди! И комедия «Мещанин во дворянстве» в постановке театра «Комеди франсез», с соблюдением традиционных правил музыкального и пластического рисунка, которые так характерны для стиля французского комедиографа, несомненно, вызовут большой интерес.

Герои Корнеля и герои комедий Мольера помогут нам оценить самые различные стороны мастерства актеров и режиссеров лучшего театра Франции.

Старейшина труппы профессор Жан Ноэль является воспитателем многих выдающихся артистов современного французского театра и сам играет роль Тартюфа и дона Диего в «Сиде». Так и гениальный русский режиссер К. С. Станиславский не только воспитывал актеров в стенах Московского Художественного театра и вместе с ними, своими учениками, играл Фамусова в «Горе от ума» А. Грибоедова, князя Шуйского в трагедии А. Толстого «Царь Федор Иоаннович», Вершинина в «Трех сестрах» А. Чехова, Сатина в «На дне» М. Горького. Встреча учеников с учителем на подмостках — наилучшая школа, наилучшее доказательство преемственности традиций.

Жизнь актера в искусстве неотделима от его гражданской жизни. И поэтому с особенной теплотой мы встретим актрису Беатрис Бретти, участницу движения Сопротивления в годы фашистской оккупации Франции,— актрису, награжденную за мужество и смелость орденом Почетного легиона.

— Французский народ,— смелый, энергичный, веселый, остроумный, жизнерадостный — в своей основе всегда демократически настроенный народ,— говорил нам К. С. Станиславский.— Он знает из своей истории, что несет живительный ветер свободы, какие идеи и события его сопровождают, и будет, наверное, еще не раз бороться вместе с нами за лучшие демократические идеалы во всем мире.

Сегодня мы от всей души хотим присоединиться к этим словам К. С. Станиславского.

Французский театр и в первую очередь театр «Комеди франсез» — любимое детище французской культуры. Мольера воспитывал известный философ-материалист Гассенди. Творчество великого драматурга вдохновлено народными фарсами и пантомимами. Сатиру Мольера вскормили образы Рабле. Органическая связь театра с большой литературой и передовой материалистической философией была его отличительной чертой.

Свободолюбивый дух французского народа создал комедии Бомарше, сценическое творчество Тальма, живопись Давида, «Человеческую комедию» Бальзака, высокую революционную романтику Гюго, современные эпосы Золя, социальные карикатуры Домье и Доре, «Кармен» и «Арлезианку» Бизе, скульптуры Родена, пламенные статьи Барбюса, народные драмы Ромэн Роллана. Поистине неисчерпаемы духовные сокровища Франции!

Эти имена, эти произведения французского гения мы вспоминаем сегодня, встретившись с театром, в творчестве которого нашли живое воплощение великие культурные завоевания французского народа.

Передовые люди России всегда любили и высоко ценили прогрессивное искусство Франции. Это помогало нам постигнуть душу свободолюбивого французского народа, исстари дружественного народу нашей страны.

Н. ГОРЧАКОВ,
заслуженный деятель искусств

МЕЩЕРА СЕГОДНЯ

С. КРУТИЛИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Прошлым летом, находясь в Киструсской луго-мелиоративной станции, я зашел к директору. Родион Федорович Габерле был необычно мрачным: брови насуплены, и без того ершистые волосы взлохмачены. Он сидел за столом, а напротив стоял коренастый, пожилой мужчина с полевой сумкой в руках — председатель одного из колхозов Федулов. Они спорили, спорили, видимо, горячо и давно; увидев меня, оба смутились, притихли.

— Ну, так как же, Родион Федорович, насчет денег-то?! — проговорил после небольшой паузы председатель.

— Так я же сказал, товарищ Федулов,— ответил директор.— Никаких перечислений мы вам делать не будем. Не можем! Не имеем права... Поняли? Работы — выполнены. Вы их в свое время приняли. А теперь вдруг являетесь с претензиями...

— «Приняли!» «В свое время!» — не успокаивался председатель.— А вы съездите, посмотрите: там, где вы корчевали, снова уже лес вырос...

Директор ЛМС пожал плечами, как бы говоря, что это не его дело и что разговор окончен.

— А колхозу убыток,— продолжал председатель.

Выяснилось, что Федулов требует с луго-мелиоративной станции деньги за работы, не доведенные ЛМС до конца: станция свела кустарники, но не обработала участок, не распахала его, и он снова зарос мелколесьем. Земля оказалась непригодной для освоения.

К сожалению, такие случаи не единичны. Приедешь, бывало, в ЛМС, попросишь показать освоенный участок. «У нас таких пока нет,— отвечают.— Мы еще только осваиваем...». И спешат показать работу болотной фрезы или корчевателя-собирателя.

Поэтому мне особенно захотелось побывать в Заборьевском колхозе имени академика Павлова, где, как мне сказали, в прошлом году вырастили прекрасный урожай овощей на осушенном болоте.

***

Заборье — село вблизи Солотчи, село большое по здешним местам. В нем около четырехсот дворов. Двумя рядами, образуя нешироку улицу, они протянулись почти на три километра.

Налево, за огородами,— луга, а направо, на взгорье,— уже оголившиеся от снега пашни.

Пахотных земель в колхозе мало; большая часть из них — супеси. От полеводства артель терпела только убыток. Главное же богатство колхоза — заливные луга, пойма Оки и Солотчи.

— Да, лугов у нас много,— говорит колхозный агроном Виноградов.— Только этот клад не приносит нам богатства. И в прошлом году и сегодня не знаем, чем скот до выпаса дотянуть.

Мы идем с Всеволодом Сергеевичем за околицу, в луга. Впереди голубеет лесок: приземистые елочки, низкорослые, жиденькие, словно степной тальник, березы.

Это — болото Кальское, куда мы идем. А дальше — леса, леса и леса. Они обложили весь горизонт. Это Мещера — край нетронутых болот и лесов.

Путь неблизкий; мы разговорились. Разговор шел все о том же: о лугах, о колхозных доходах, о перспективах артельного хозяйства. За последние три года в колхозе имени академика Павлова сменилось пять председателей. Были всякие — и пьяницы, и просто слабовольные, малограмотные люди,— но так или иначе, колхозу нанесен большой урон. Из года в год артель получала низкие доходы.

Колхозники не хотели мириться с таким положением и стали искать новые источники повышения доходов, укрепления артельного хозяйства. Конечно, наиболее верный путь — поднять продуктивность общественного животноводства. Но для этого надо было обновить стадо, провести улучшение лугов, расширить площади под картофелем и корнеплодами на корм скоту, одним словом, создать прочную кормовую базу. Наконец, быстрый подъем животноводства требовал больших капиталовложений. А колхоз и без того в долгах, как в репьях...

Близость Москвы, Рязани и других городов навела колхозников на мысль расширить площади под овощи. Но тут же возник вопрос: а за счет каких земель? Распахать малопродуктивные луга? Это дело опасное: соседи пробовали. Распахали, а вешний паводок слизал поднятую осенью луговину, и на месте пашни образовалось озеро.

— Тогда-то старики и вспомнили о Кальском. «Вот где настоящий клад»,— сказали они. На небольшом участке этого болота лет тридцать назад были огороды. Но со временем канавы заросли, о них уже стали позабывать,— рассказывал Всеволод Сергеевич.

Мы свернули с дороги и пошли лугом. Вскоре впереди показался черный вал земли. Он начинался от берега реки Солотчи и уходил в глубь болота, к леску.

— Ну вот и Кальское,— проговорил агроном.

Мы подошли к месту, где магистральный канал примыкал к Солотче. Желтая болотная вода текла по глубокой канаве. Лед в реке и канаве казался рыжим.

— К весне прошлого года,—рассказывал Виноградов,— мы успели осушить не более десяти гектаров. Посадили три гектара капусты. Сажали поздно, да и рассада была плохая. Однако взяли тут по пятьсот центнеров с гектара. Колхоз рассчитался с государством за всю капусту: и за хлебопоставки, и за картофель, и за овощи. На все хватило. Почти пятьдесят тонн продали по государственным закупкам...

Вдоль магистрального канала мы прошли вверх, к леску. Вскоре нам попалась другая канава, перпендикулярная первой,— так называемый «ловчий» капал. Но дну его также струилась вода.

— А вот здесь,— продолжал Всеволод Сергеевич,— осушили слишком поздно, и мы посеяли шесть гектаров подсолнуха на силос. Подсолнух уродился отменный. Если бы не силос, не знаю, чем бы мы кормили сейчас коров... Осенью мы осушили еще сорок гектаров. Думаем засадить их капустой. Весной мы рассчитываем осушить еще более четырехсот гектаров болот. Проектная документация имеется, но трудно будет с агротехникой.

В словах Виноградова прозвучала обида:

— Тут все надо делать на научной основе. А посоветовать некому. Опыта освоения болотистых земель нет. Думаем кукурузой заняться. На небольших участках, в порядке опыта, решили посеять и рожь, и овес, и овощи всякие...

Некоторое время мы шли молча. Солнце уже село; начало подмораживать. Всеволод Сергеевич отмерял большие шаги. Казалось, он увлечен какими-то другими, своими мыслями. Но неожиданно агроном повернулся ко мне:

— Нам бы техники побольше. Да науку к нам сюда поближе двинуть, — тогда бы дело пошло...

***

Года два назад, когда я впервые приехал в Полянскую ЛМС, контора станции помещалась на краю села, в простой крестьянской избе. Внизу был кирпичный полуподвал — склад, а наверху, в комнате, стояло несколько столов. За одним из них сидел сухощавый седеющий человек в очках и просматривал какие-то бумаги.

Так мы познакомились с Дмитрием Васильевичем Харьковым. Когда в тот раз я попросил его показать станцию, директор ответил: «Пока я, как говорится, генерал без войска. Ни людей у меня, ни техники. Разве что два канавокопателя — и все...».

Сейчас мы встретились с Дмитрием Васильевичем в новой конторе ЛМС. У него теперь — приемная, секретарь-машинистка: но сам он все такой же — в том же видавшем виды френче, та же озабоченность на лице. Здороваясь, я заметил ему это.

— Заботы все,— отозвался Харьков.

Директор отбирал юношей на курсы экскаваторщиков. Рослые парни в ватниках, резиновых сапогах входили в его кабинет по одному; снимали шапки, мяли их в руках. Коротко рассказывали о себе. Были тут и местные, полянские, и из Агро-Пустоши, и из Спас-Клепиков. Харьков просматривал их документы и, мельком бросив взгляд из-под очков, говорил:

— Ладно. Нашими заявление. Посмотрим... Только знай: работа трудная!..

Окончив прием, Дмитрий Васильевич предложил мне осмотреть его «владенья».

Да, теперь это были, действительно, владенья. За последний год на окраине Полян вырос целый поселок. В ЛМС построены контора, сараи для хранения машин, пять жилых домов. Строится типовая ремонтная мастерская. К осени, кроме мастерской, будут сданы в эксплуатацию три новых сарая для хранения тракторов, склад запасных частей. Станция богато оснащена луго-мелиоративной техникой. Есть канавокопатели, скреперы, фрез-барабаны, корчеватели-собиратели, кротодренажные плуги.

— Техники много,— говорит Дмитрий Васильевич.— Плохо только, что нет запасных частей...

У крыльца конторы, выстроившись друг за другом, стоят экскаваторы. Длинные хоботы их подняты над землей. Тут и полукубовые «лопаты» и сравнительно большие драглайны. Один из них был, видимо, на ремонте: под его стрелой подложен штабель из бревен, ковш лежал поодаль. В будке управления орудовали механизаторы. Увидев нас, здоровенный, широкоплечий мужчина в ватнике и огромной дохматой шапке спрыгнул вниз.

— Как дела, Петр Павлович? — здороваясь, обратился к нему Харьков.

— Хорошо, Дмитрий Васильевич. На этой неделе выедажем...

Это был Герасимов — бригадир второй бригады экскаваторщиков, производившей работы в колхозе имени академика Павлова. Экскаваторщики готовились к выходу в забой: осматривали в последний раз механизмы, снимали зимнюю смазку.

Петр Павлович Герасимов — опытный экскаваторщик. Он уже более пяти лет работает на своем «ковровце» — вначале в Шацкой ЛМС, потом здесь.

— За что нас, мелиораторов, часто ругали? — делился Герасимов своими мыслями.— Бывало, мы проложим канавы, болото осушим, а кусты срезать нечем. Труд и деньги затрачены, а землю использовать нельзя. Партия правильно решила: сосредоточить всю технику на больших массивах. Доводить дело до конца. В этом наш успех в Заборьевском колхозе.

Мы разговорились о планах.

В этом году в урочище Кальское, на землях колхоза имени академика Павлова, будут работать четыре экскаватора, фрез-барабан, кусторез. Надо вынуть сотни тысяч кубических метров земли; продлить магистральный и заново вырыть четыре «ловчих» канала. Предстоит производить также раскорчевку кустарника и пахоту осушенного участка. За лето колхоз расширит свою посевную площадь на 450 гектаров; более чем 1500 гектаров лугов будут коренным образом улучшены.

Раньше осушительные каналы прокладывались очень близко один от другого и на незначительную глубину. На участке «Кальское» магистральный и «ловчие» каналы роют на глубину 3—4 метра. Причем расстояние между ними достигает 500—600 метров. Это позволяет на вновь освоенных землях применять сельскохозяйственные машины.

— Работы много! — рассказывал Герасимов.— А там, говорят, готов уже проект осушения болот в колхозе имени Молотова!.. У нас целина рядом...

***

— В ближайшие два года,—сказал секретарь Рязанского обкома партии Алексей Николаевич Ларионов,— по самым скромным подсчетам мы можем освоить не менее пятидесяти тысяч гектаров новых земель: десять тысяч — в Приокской пойме и 30—40 тысяч — в Мещере... Но это — капля в море. Это только те земли, которые мы сами в состоянии отобрать, к тому же, если они не требуют при освоении больших капиталовложений.

— А разве не проводилась инвентаризация лугов?

Оказывается, несмотря на неоднократную инвентаризацию, никто не может указать колхозам, какие малопродуктивные луга, находящиеся в их землепользовании, могут быть распаханы. Как известно, распашка заливных лугов — дело ответственное; однако ни одно из научных учреждений, занимавшихся изучением поймы, не хочет высказаться по этому вопросу определенно. Колхозы в Мещере все шире начинают осваивать новые земли. Но как лучше использовать осушаемые болота? Что выращивать на вновь осваиваемых землях? Ясного ответа они не получают.

Непонятно в этой связи, почему устранилась от проблем по освоению новых земель в нечерноземной полосе Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина?

Уже сейчас сказывается, а завтра еще острее скажется отсутствие на месте единого научного центра, который координировал бы работы по изучению Приокской поймы и Мещеры. Одно время за это дело горячо взялся Институт кормов Министерства сельского хозяйства СССР. В Рязань приезжали и руководители института и научная экспедиция. Восхищались перспективами, обещали помочь. Но прошел уже год, а помощи — никакой.

Летом в лугах можно встретить студентов. Тут и практиканты Рязанского сельскохозяйственного института имени Костычева и дипломники биолого-почвенного факультета Московского университета. Наезжают сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации.

Одни интересуются ботаническим составом трав, другие — водным режимом. А всерьез заняться изучением лугов, вопросами освоения осушаемых болот — некому.

В связи с этим, нам кажется, заслуживает всемерной поддержки ходатайство рязанской общественности о том, чтобы Научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации, до сих пор находящийся в Москве, был переведен в Рязань или в один из городов Мещерской низменности. Наличие такого научного центра вблизи большого массива заболоченных земель позволило бы координировать на месте все работы, поставить их освоение на правильную научную основу.

Недаром колхозный агроном Виноградов сказал: «Науку к нам сюда поближе двинуть,— тогда бы дело пошло...».

Луго-мелиоративные станции области за последнее время значительно пополнились новой техникой. Однако до последнего времени техника эта распылялась. Еще год назад ни одна луго-мелиоративная станция области не могла провести осушение болот комплексно, довести их до освоения. В одной ЛМС не было болотных фрез, в другой — кусторезов.

Теперь, по решению Пленума ЦК КПСС, при освоении новых земель в нечерноземной полосе будут применяться индустриальные методы мелиоративных работ. Комплексная механизация позволит лучше использовать технику. Снизятся затраты средств и труда на освоение земель. Понятно, что при этом не обойтись без создания крупных строительных и проектных организаций, а также мощных машинно-мелиоративных станций.

Не ожидая этого, рязанские мелиораторы уже сегодня перестраиваются. Освоение новых земель в этом году будет производиться только большими массивами, как, скажем, в колхозе имени академика Павлова. Около 3 000 гектаров болот освоит Киструсская ЛМС в Спасском районе, 4 000 — Пжевская и другие.

Но это, конечно, только начало.

В решении сентябрьского Пленума ЦК КПСС записано:

«Считать необходимым, в первую очередь, приступить к работам по осушению и освоению таких массивов, как Мещерская низменность (особенно в районах Рязанской, Владимирской и Московской областей)»...

В Мещеру уже прибывают отряды прославленной геологической экспедиции, проводившей изыскания на «Сталинградгидрострое». Уже ходят по берегам расположенных от весеннего половодья мещерских рек люди с разноцветными рейками и нивелирами. Развертывают работу буровики. Геологи прощупывают землю, чтобы вооружить проектировщиков необходимыми данными.

Вскоре на берегах Пры и Оки появятся мощные экскаваторы и землесосы. Начнутся большие работы по углублению русла Пры и других рек, чтобы увести из Мещерской котловины излишнюю воду. Предстоит вынуть миллионы кубометров грунта, построить десяток шлюзов.

Для ведения этих работ потребуются тысячи энтузиастов, каких посылает сейчас комсомол на Алтай и в Казахстан — на освоение целинных земель.

Надо надеяться, что московский комсомол и тут будет в первых рядах. Молодые строители помогут превратить миллионы подмосковных, рязанских и владимирских болот в цветущие земли, чтобы Мещера и Нерская пойма стали крупной базой продуктивного животноводства и овощеводства.

РЯЗАНЬ

Международные отклики

АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ В ИНДО-КИТАЕ

Рис. М. Абрамова

Еще недавно американская печать рисовала идиллические картинки пребывания так называемых «авиатехников» США на индо-китайской земле. «Американцы находятся далеко от района военных действий и помогают французам, управляющим самолетами, только как консультанты»,— сообщало, например, со слов официальных лиц в Вашингтоне, агентство Ассошиэйтед Пресс в начале февраля.

Прошел какой-нибудь месяц, и эти поспешно намалеванные картинки «невмешательства» авиационных «консультантов» в индо-китайские дела так безнадежно выцвели, что сквозь слой покоробившегося лака уже явственно проступает реальное изображение будней американских интервентов.

Весьма красочные подробности о жизни и быте «консультантов» можно найти в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». «С американскими солдатами в Индо-Китае» — так называется корреспонденция, опубликованная в одном из мартовских номеров этого журнала.

Далеко ли находятся американские «авиатехники» от района военных действий? — на этот счет корреспондент «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» не оставляет никаких сомнений. Рассказывая о базе в Туране, где расположился отряд американских интервентов, он пишет:

«Пулеметные очереди и залпы французских орудий, раздающиеся вблизи взлетной площадки, окруженной полуразрушенными к ней холмами, — обычное явление». Далее мы узнаем из корреспонденции, что американские солдаты в Туране имеют при себе пистолеты и тесаки. Рядовым не разрешено покидать базу. Возглавляет отряд в Туране подполковник Уолтер Миллер.

Другой пункт, Дозон, где также находится американский отряд, отстоит всего в восьми минутах полета на реактивном самолете от границы Китая. «Эта база,— сообщает «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»,— расположенная на краю дельты Красной реки, в течение семи лет представляет собою арену идущей с переменным успехом, но имеющей важное значение битвы... Набеги, засады, перестрелки и артиллерийские обстрелы — все это... стало частью повседневной жизни» американцев.

Еще один штрих: все доставленные в Туран и Дозон солдаты и офицеры прошли специальный отбор. «Они — опытные люди, уже побывавшие в таких переделках», и «уже слышали звуки боя... в Корее»,— добавляет журнал.

Самый жгучий вопрос, волнующий американских вояк в Индо-Китае,— вопрос о том, какую роль они «призваны сыграть в этой стране». Один капитан выразил это так: «Может быть, мы окажемся забытыми солдатами, которые просто делали свое дело. Возможно, мы будем героями, которые помогут французам победить. Или, быть может, мы окажемся людьми, развязавшими новую войну».

Надо думать, что известная речь г-на Даллеса от 29 марта развеяла недоуменные вопросы, над которыми ломает голову американский офицер в индо-китайских джунглях.

Чем ближе Женевское совещание, тем неистовее звучат в Вашингтоне призывы к расширению войны в Индо-Китае. «Единственное направление, в котором мы можем двигаться или которое возможно, заключается в том, чтобы выставить армии на поле боя, воздушные флоты в воздухе и морские флоты на водах»,— так определил смысл речи Даллеса газета «Чикаго трибюн».

...Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» приподнял завесу над «секретной миссией» посланцев Пентагона в Индо-Китае. Так называемые «авиатехники» — это не что иное, как передовой отряд американской вооруженной интервенции против вьетнамского народа. И призывы некоторых деятелей в Вашингтоне к расширению войны в Индо-Китае могут служить еще одним подтверждением этому.

ЛИТЕРАТОР

Конференция писателей Чехословакии

5 и 6 апреля с. г. в Праге происходила конференция писателей Чехословакии.

Председатель Союза чехословацких писателей Ян Дода в своем докладе сообщил, что за последние 10 лет в жизни чехов и словаков произошли огромные перемены. Многие из этих перемен нашли свое отражение в произведениях лучших чешских и словацких писателей. Стихи, романы, повести и пьесы таких писателей, как Майерова, Пуйманова, Незвал, Марек, Стеглик, Сватоплук, хорошо знает и любит народ.

Однако нередко появляются и схематичные, поверхностные произведения, написанные серым, бесцветным языком. Это объясняется тем, что некоторые писатели не знают жизни, вместо того, чтобы подмечать новые типичные явления, выдумывают конфликты.

Докладчик призвал писателей Чехословакии решительно бороться против схематизма, за овладение творческим методом социалистического реализма; писатели, сказал он, должны активнее вторгаться в жизнь, изучать ее и создавать полноценные произведения.

Председатель словацкой секции союза Милан Лайчак в своем докладе рассказал о развитии литературы Словакии.

Милан Лайчак подчеркнул, что важнейшая задача чешских и словацких писателей — в едином строю помогать своими произведениями коммунистической партии и народу строить социализм в стране, укреплять союз рабочих и крестьян.

Писательница Мария Майерова зачитала конференции приветствие президента Чехословацкой республики Антонина Запотоцкого. В этом приветствии говорится о том, что задача писателей — видеть новую жизнь, правильно понимать ее и помогать строительству новой жизни.

Конференция заслушала доклад генерального секретаря Союза писателей Йозефа Секеры об организационных вопросах Союза писателей, о новом уставе.

В работе конференции приняли участие советские писатели Борис Полевой, Степан Щипачев, Олесь Гончар, турецкий поэт Назым Хикмет и болгарская писательница Калина-Малина.

После обсуждения докладов конференция приняла новый устав Союза чехословацких писателей. По решению конференции создан Союз словацких писателей, председателем которого избран Франтишек Гечко.

МНИМАЯ БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ

Решение было найдено простое.

— Ругают нас за волокиту, за бюрократизм, за то, что от нас уходит много бумаги? Ругают, — рассудили начальник экспедиции тов. Маслов и заведующий бюро жалоб тов. Антипов. — Но ведь исходящая — это ответ на входящую... И, не мудрствуя лукаво, постановили: впускать в Министерство сельского хозяйства СССР как можно меньше писем.

Первый заслон установили в экспедиции.

У Салтыкова-Щедрина один архивариус говаривал: «Понимать не понимаю, а отвечать могу». Начальник экспедиции Маслов действует более просто — понимать не понимаю, а отправить могу. Ежедневно прямо из экспедиции десятки, а то и сотни писем перекидываются в Министерство сельского хозяйства РСФСР. О чем идет речь в письме, кому оно адресовано, — это не столь уж важно, главное — обратный адрес. Откуда письмо? Из Тульской области, из Воронежа, с Сахалина, словом, из населенного пункта, находящегося в РСФСР? Не пускать в наше министерство, гнать все чохом в республиканское.

Но если судьбу письма решает обратный адрес, то незачем распечатывать конверты. И вот в экспедицию республиканского министерства курьер приносит каждый день «сверху», из министерства союзного, кипу **нераспечатанных** писем.

Деятельное участие в перекидке писем принимает и заведующий бюро жалоб тов. Антипов. Правда, от него письма уходят распечатанные, снабженные стандартными *препроводительными* бумажками. Очевидно, эти бумажки должны свидетельствовать, что в бюро жалоб над письмом «поработали».

Какие письма перекидывает Антипов?

...Группа колхозников сообщает в союзное министерство о грубейшем нарушении колхозной демократии. Разве не ясно, что *о таком письме следовало доложить* руководству министерства? Но... на конверте стоял обратный адрес — Кировская область, и письмо было переслано в министерство федерации.

...Колхозник из Кемеровской области поднимает немаловажный вопрос — промышленность не выпускает запасных колес для пароконных бричек: малейшая поломка—и бричка идет на свалку. Азербайджанская колхозница *пишет о том*, что председатель колхоза окружил себя друзьями-собутыльниками, которые разворовывают колхозное добро.

Оба письма постигла та же участь. Они попали в экспедицию «нижестоящую».

Бюрократическое рвение заведующего бюро жалоб дошло до того, что он направлял в Министерство РСФСР даже депутатскую почту тов. И. Бенедиктова. Причина все та же: письма пришли из РСФСР.

Да, письмо пришло из РСФСР. Но это письмо в Москву — и очень часто письмо весьма важное и для того, кто его написал, и для того, кому оно адресовано. Из таких писем сотрудники министерства могут много узнать — порой больше, чем из иного официального отчета или статистической справки. Сколь четко и оперативно работают министерство и его местные органы? Каково положение дел на местах? Имеются ли упущения и недоделки, успехи и достижения? Ответы на эти вопросы дает внимательное знакомство с почтой; ее изучение обогащает работника советского аппарата. Письма с мест, идущие в наши центральные учреждения,—это в известной мере и форма участия народа в управлении страной, доказательство его культуры.

И вот весь этот разнообразный, живой, волнующий мир трудовых человеческих интересов, отраженный в письмах, почта доставляет в Министерство сельского хозяйства СССР. А в министерстве в это время идет «борьба» с бюрократизмом — не настоящая, партийная, а мнимая, показная, которая сама — разновидность бюрократизма. Раньше фетишизировали бумажки, теперь — сводки о них, цифры. Борьба с бумажным потоком необходима, но, разумеется, борьба не формальная. Для того, чтобы сократить количество бумаг, надо, в первую очередь, укрепить **живое руководство.**

К сожалению, этого не понимают не только работники канцелярии министерства. Заместитель министра тов. Мацкевич усмотрел бюрократизм в том, что начальник управления труда и зарплаты подписывает слишком много ответов на письма трудящихся. Да, много бумаги. Но какой же выход он предложил? Довольно простой —не к чему, мол, давать индивидуальные ответы на однотипные письма. По мнению тов. Мацкевича, в этих случаях можно ограничиваться консультацией в печати.

Надо ли говорить, что консультации, да еще в печати, вещь полезная и даже необходимая. Но призыв заместителя министра так и *повис в воздухе*. За последние три месяца была опубликована всего лишь одна консультация в газете «Сельское хозяйство».

На ответах же появилась резолюция: «*Не нужно посылать, дать консультацию*». Такие слова начертал заместитель начальника канцелярии тов. Кашаев, например, на запросах землеустроителей, которые были переведены на работу в МТС и не получили пособий. Напрасно объяснять Кашаеву, что консультация в данном случае делу не поможет, что авторы писем ждут помощи от министерства. Кашаев твердит свое: «Отвечать не будем. Захотят — еще раз напишут. Тогда ответим».

Опять **мнимая** борьба!

Но есть особый сорт «исходящих», с которыми так просто не разделаешься, — это приказы по министерству. За последнее время количество приказов резко сократилось. Но вот в папке одного из управлений мы обнаружили другие документы, тоже подписанные министром или его заместителями. Отличаются эти документы от приказов тем, что они безымянные, приказами не называются и говорится в них не «приказываю», а «обязываю». Стоит ли придавать значение этой разнице? Оказывается, стоит. Оказывается, если сказать «приказываю», значит, бумагу надо назвать приказом, дать ей соответствующий номер, послать в Совет Министров, Министерство госконтроля, Госплан и т. д. — надо заявить о ней во всеуслышание. А письмо, что ж, это — дело внутреннее.

Заместитель начальника юридического отдела тов. Черкасов охотно посвящает в таинства бюрократической кухни:

— Понимаете, мы в общем вуалируем приказ под письмо, чтобы приказов было меньше. Вот видите, в прошлом году в декабре было 190 приказов, а сейчас каждый месяц — 30. А все дело в том, что у нас есть лимит: один приказ в день.

Лимит на приказы — это уж настоящее бюрократическое откровение. Министерство критикуют за бумажный стиль руководства, за **лишнюю** переписку, за отрыв от живого дела, за бумагу, издаваемую ради бумаги. И отсюда делается вывод: надо выпускать в день по одному приказу. Ни больше, ни меньше! Но кто и где сказал, что один приказ в день — это живое руководство, а два-три — бюрократическое?

Но если вместо приказов выпускают письма, то, значит, сокращение приказов только **видимость**?

С этим *вопросом* мы и обратились к Черкасову. Он вдруг задумался, потом куда-то исчез и, вернувшись, заявил: «Без санкции министра или его заместителя я ничего рассказать не смогу...»

Мы же полагаем, что и вышеизложенного достаточно.

Э. МАКСИМОВА

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

ДВА ОРАТОРА

„Смельчак"

Степан Степанович Тетерин
Так начал речь:
—Я не намерен
Щадить Антона Фомича,
Перерожденца и рвача!
Я заявляю прямо, смело:
Он — плут!
Он губит наше дело!
Я утверждаю, не боясь:
Он вызывает омерзенье!
Бюрократизм,
сплошную грязь
Развел он в нашем учрежденье!..

Степан Степаныч говорил,
Как прокурор.
Он в драку рвался!
Откуда вдруг подобный пыл?
Откуда пафос этот взялся?
Откуда смелость в нем?..
Откуда?
Мы объясним вам это чудо:

Все дело в том, что за бока
Был где-то, чуть ли не в МК,
Антон Фомич недавно взят.

Потом он был с работы снят.
Потом был хлесткий фельетон
О нем в газете помещен.

Потом с Антоном Фомичем
Легко расправился местком.

И только лишь тогда Тетерин,
Красноречив, самоуверен,
Обрел в себе гражданский пыл,
Забыл о том, где раньше был,
И, подготовившись заране,
Придя на общее собранье,
Пошел рубить,
рубить с плеча,
Клеймя Антона Фомича.

Такие есть еще вояки
Что лезут в драку... после драки!

Холодный огонь

В нем появляется горенье,
Когда президиум на сцене.
Он вдохновеньем одержим,
Когда трибуна перед ним.

Он всех готов словами сжечь,
Когда с трибуны держит речь.

Кричать он может до утра:
— Давай, давай!
Пора, пора!
Скорей, скорей!
Возьмемся дружно!
Необходимо!
Важно!
Нужно!..

Но речи жаркие его
Не зажигают никого
И тут же пропадают втуне!..
Горит он только на трибуне.

Он обязательство любое
Взять на себя готов тогда.
План перевыполнить?
Хоть вдвое,
Хоть втрое!
Трудно?
Не беда!
Он затруднений не боится,
Готов забыть детей,
жену,
В любую даль готов пуститься,
Поднять любую целину,
Всех вызвать на соревнованье
И все рекорды перекрыть...

Но вот закончено собранье
И нужно к делу приступить.
Где жар?
Где пламя?
Где горенье?
Нет ничего!
Вулкан потух!
Остались только чад и тленье.
Он безразличен, вял и сух.
На все он холодно взирает,
За все берется с холодком
И всем словам предпочитает
Два слова:
«завтра» и «потом».

Рис. В. Добровольского

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Литературные эпиграммы

С. НАРИНЬЯНИ

Он в журналистике известен и ценим,
Зато в драматургии — «Аноним».

Н. ПОГОДИН

(О пьесе «Когда ломаются копья»)

Когда рассматривал недавно в микроскоп я
Весьма прилежно сделанные копья,
Невольно вспомнилось о той поре,
Когда писал наш драматург о топоре.

Приметны копья
выделкой своею,
Но был топор
весомей и острее.

А. СОФРОНОВ

(О пьесе «Иначе жить нельзя»)

На месте весь типаж: дельцы, враги, друзья.
Однако в мастерстве заметны недостачи.
Бесспорно, автор прав:
иначе жить нельзя!
Но пьесу написать
он все же мог иначе...

Елизар МАЛЬЦЕВ

Чуть слышен,
А не сдается.
Не пишет,
Но издается.

ЛИТЕРАТОР-БОЯРИН

Сказал писатель, оказавшийся в чести:
— На обсужденья мы не ходим!
Невместно нам на секцию итти:
Она полна простонародьем...

МНОГИМ ЖУРНАЛАМ, ИЗДАТЕЛЬСТВАМ, РЕДАКТОРАМ

Жанр эпиграмм у вас в почете.
Он (на словах) любезен вам.
Вы только места не даете
Для персональных эпиграмм.
Вам их печатать нет охоты.
Ведь ваши принципы просты:
Вы очень любите
остроты,
Но вы боитесь
остроты.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

За глубоким оврагом

Дорогая редакция!

К вам обращается группа учеников Муромской вечерней школы рабочей молодежи. Мы очень обижены равнодушным отношением работников местных руководящих организаций и отдела народного образования к жизни нашей школы. Они как будто сговорились не видеть тех досадных, неприятных вещей, которые мешают нам заниматься.

Неприятности начались в прошлом году, когда нас выселили из хорошего школьного помещения, а наше место заняли студенты педагогического института. Правда, тогда нас перевели в помещение 12-й средней школы, но в этом учебном году нас попросили и оттуда.

Сейчас наша школа размещена в трех помещениях, расположенных в разных концах города. Больше всего не повезло тем ученикам, которым досталось для занятий общежитие рабочих текстильного комбината «Красный луч», расположенное на краю города, за глубоким оврагом. Чтобы преодолеть этот овраг, нужно обладать буквально сноровкой альпиниста, иначе придется спускаться в овраг, подложив под себя портфель! Еще сложнее подняться по другому склону оврага.

Но вот мы в школе. Снаружи это весьма убогого вида барак, обшитый почерневшей от времени фанерой. Внутри помещение, отведенное для школы, отгорожено от общежития легкой дощатой перегородкой. Такие же перегородки, побеленные известью, поставлены между классами, в которых, кроме старых детских парт и никогда не горящих полным накалом лампочек, ничего нет.

Стоит ученику нормальным человеческим голосом начать читать отрывок из стихотворения или чуть-чуть увлечься, отвечая урок, как сейчас же раздается предупреждающий стук в перегородку: оказывается, отвечающий ученик мешает учителю в соседнем классе объяснять урок!

Но это еще полбеды. Гораздо хуже, что все уроки в классах, смежных с общежитием, проходят под аккомпанемент передаваемых по радио вальсов, шума, смеха, которые доносятся из общежития.

Иногда наши занятия начинаются с запозданием, потому что учителям приходится во время перемен совершать скоростные переходы из одного помещения школы в другое, расположенное не близко.

Не лучше обстоит дело и в других помещениях, где занимаются остальные наши товарищи. За маленьким зданием, что во дворе 12-й средней школы, прочно укрепилось название «баньки». Там холодно и сыро, с потолка методически каплет вода. Санитарная инспекция давно запретила вести здесь занятия, но... мы занимаемся.

Хоть бы кто-нибудь по-настоящему, по-человечески подумал о том, как трудно нам, молодым производственникам, заниматься в таких условиях! Ведь для самостоятельной подготовки у нас мало времени, поэтому мы стремимся как можно продуктивнее провести учебные занятия. А уж какая тут продуктивность!

Мы обращались и в горком партии и в горисполком. Секретарь горкома партии тов. Малюшин и председатель горисполкома тов. Андрианов обещали, что нам помогут. Но дальше обещаний дело не двинулось.

Дорогая редакция, помогите нам. Опубликуйте это письмо в газете, чтобы нашим «отцам города» стыдно стало, что они так плохо заботятся о рабочей молодежи.

Ученики 9-го класса:
Феликс Осьминин, Валентина Леднева, Александра Косова и др. (всего 17 подписей)

МУРОМ, Владимирской области

Восстановить в Ленинграде Дом журналиста

Фонтанка 7. Когда-то этот адрес был хорошо знаком каждому журналисту, каждому издательскому работнику Ленинграда. Здесь, в просторном особняке, помещался клуб журналистов. В клубе устраивались интересные вечера, консультации для работников газет, читательские конференции, происходили встречи с учеными, новаторами производства, писателями. Работали секции фельетонистов, очеркистов, бывали выставки. В зале Дома журналиста в марте 1930 года выступал с чтением стихов В. В. Маяковский.

Работники редакций и издательств приходили в свой клуб вместе с членами семей на концерты, отдохнуть, повеселиться. Большим книжным фондом и уютным читальным залом располагала библиотека клуба.

В годы войны ленинградский Дом журналиста прекратил свое существование. В это здание вселились три учреждения. И хотя еще в решениях второго съезда профсоюза работников печати и полиграфического производства было записано: «...принять меры к возврату в 1949 году Дома журналиста в Ленинграде», он до сих пор не освобожден.

Большую ценность представляет уцелевшая библиотека, которая насчитывает около 50 тысяч книг. Долгое время она ютилась в редакции «Ленинградской правды», затем в типографии имени Володарского. Недавно ее перевели в новое помещение (в доме № 12 по ул. Ломоносова)— такое же тесное и не приспособленное для хранения книг.

В Ленинграде — много издательств, отделения ТАСС и центральных газет. В городе и области выходит около 150 газет— областных, городских, районных, многотиражных. Здесь работает большой отряд работников печати. При Ленинградском университете есть отделение журналистики.

Вот почему мы считаем, что создание в Ленинграде Дома журналиста — жизненно необходимое дело. Если нельзя вернуть прежнее помещение Дома, то надо найти новое. Об этом не на словах, а на деле обязаны, наконец, позаботиться соответствующие организации, и в первую очередь — исполком Ленинградского Совета.

Сотрудники газеты «Ленинградская правда» С. Красовский, Н. Линатов, редактор газеты «Вечерний Ленинград» Г. Кондрашев, сотрудник Ленинградского отдела радиоинформации Т. Боголовский, сотрудники газеты «Смена» Н. Морозов, М. Бекташев, Я. Сухотин, В. Торопыгин, редактор газеты «Гатчинская правда» С. Раскин, редактор газеты «Кировец» И. Быстров, редактор газеты «Советская Балтика» М. Никитин

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАНО В ЧИТЕ

ЧИТА. (**Наш корр.**). За последние четыре года в Чите издано 240 наименований книг общим тиражом 2.741 тысяча экземпляров. В областном издательстве вышло много книг местных авторов — романы, повести, стихи, сборник фельетонов, эвенкийские и бурят-монгольские сказки и ряд других.

В ближайшее время выйдут в свет книга Е. Петряева «Исследователи и литераторы старого Забайкалья», сборник стихов молодых поэтов, ряд книг на сельскохозяйственные темы и т. д.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТИХИ О ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЕ

В советской поэзии широко звучит новая тема поэзии — прекрасная тема дружбы и братства народов. В нашей стране стала явью вдохновенная мечта Пушкина о том времени, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Воспевание дружбы народов — неоценимый вклад многонациональной советской поэзии в сокровищницу мировой поэзии.

Многовековая дружба, связывающая русский и украинский народы, окрыляла и вдохновляла их на великие подвиги, она скреплена братской кровью на полях жесточайших сражений. Солнцем этой дружбы озарена украинская советская поэзия.

«Триста лот» — так названа книга стихотворений выдающегося украинского поэта **Максима Рыльского**, вышедшая в библиотеке «Огонек» (изд. «Правда». 1954. 30 стр.). Стихи этой небольшой книги пронизаны глубокой верой в народ, в несокрушимое единство нашей советской Родины.

Светит солнце, дали озаряя...
Золотым лучом освещена,
Свежим ветром парус наполняя,
Ты плывешь в простор, моя страна...
Явь — мечты народа вековые,
Путь наш озарят алый стяг,
Потому что братская Россия
Нам зажгла немеркнущий маяк.

Этот немеркнущий маяк озарял пути братской Украины на протяжении многих веков. В совместной борьбе против общих врагов плечом к плечу стояли Россия и Украина, и эта борьба отражена в стихах патриотического сборника Максима Рыльского:

В труде на ниве и на ратном поле,
Друзья и братья, вместе мы идем.

Спаянные дружбой и братством, во весь рост встали Советская Россия и Советская Украина, и они предстают в стихах поэта могучими, счастливыми, строящими коммунизм.

И о тебе я думаю, Россия,
Как схож твой образ с утром золотым!

И как воплощение этих дум, входят в стихи необозримые просторы Родины, поля ее, долины, могучие города Советской страны—Москва, Киев, Ленинград, Сталинград — свидетели и участники боевой и трудовой славы советского народа.

Сборник «Триста лет» обращен к нынешним дням, давние знаменательные исторические события связаны в нем с сегодняшней жизнью, с великим созидательным трудом советских народов, руководимых Коммунистической партией.

Встает наш день над прошлым темным,
Людские души окрыля...
Под оком Партии бессонным
Навек ты счастлива, земля!

При переводе стихов такого высокого гражданского звучания нужна особенная точность, предельная ясность. Редактору Г. Ярцеву *следовало бы* в ряде случаев строже подойти к работе переводчиков. Тогда бы наверняка претерпели изменения такие, например, строчки переводчика В. Цвелева: «и Богдан **возвысил булаву**» или «когда порфиру царскую мы **сбили**», или строки Б. Турганова:

То кометы чередою
Над тобой плывут **пророча**.

Тогда исчезли бы «разумные сполохи зарниц» у переводчика Г. Горностаева, «генеральские стан» — у В. Бугаевского, тогда переделал бы Б. Палийчук строчку «струится солнца излучёнье».

Переводы в сборнике «Триста лет» не авторизованы. Думается, что авторизация освободила бы книжку от досадных промахов.

Александр ПРОКОФЬЕВ

ДЕТИ КАРАБАХА

Недаром этот чудесный горный край назван Карабахом, что означает «густой сад». Богата и прекрасна его природа: ярко-зеленые альпийские луга, величественные скалы, непроходимые леса, стремительные горные речки. А жизнь в этом прекрасном крае для бедняков-крестьян, батраков, ремесленников, изнывавших под двойным гнетом царского правительства и местных богатеев, была тяжкой.

О судьбах жителей армянского села Нгер, которое на весь Карабах славилось искусной работой своих гончаров, рассказывает большая повесть **Л. Гурунца «Золотое утро»** (Детгиз. 1953. 438 стр.). События повести охватывают годы первой империалистической войны, Октябрьской революции и установления в Нагорном Карабахе советской власти.

Леонид Гурунц избрал нелегкий путь повествования. Рассказ ведется от лица двенадцатилетнего крестьянского мальчика Арсена. Через детски непосредственное восприятие мира Л. Гурунц раскрывает жизнь дореволюционного армянского крестьянства, его борьбу за землю и свободу.

Книга впечатляет достоверностью. Л. Гурунц сам глубоко пережил описываемые события, и это помогло ему выразить виденное в художественных образах. В мальчике Арсене нетрудно узнать самого автора «Золотого утра». Впрочем, об этом прямо говорится в многочисленных лирических отступлениях.

В центре сюжета — семья старого бедного гончара Оана, влюбленного в свой труд мастера, гордого, не привыкшего гнуть спину перед угнетателями, человека, способного, несмотря на преклонные годы, с винтовкой в руках бороться с врагами.

Кроме семьи деда Оана, в книге еще много живых, своеобразных людей. Хорошо показаны дети бедняков, товарищи Арсена: ловкий Васак, смелый забияка Айказ, Арам, прозванный Мудрым, мальчик-азербайджанец Азиз, степенный Варужан, вездесущая Арфик и маленький, подвижной Сурик. Любовно и точно описал автор этих ребятишек, их шалости, непосильный, не по годам труд, открытую вражду к богачам, их постепенное возмужание, включение в подпольную и партизанскую борьбу. Именно они, дети бедняков Нгера, закаленные суровой жизнью, знающие цену человеческому горю и человеческой радости, составляют в родном селе первую ячейку комсомола. В повести действуют и ярко показаны дети богачей. Они, вырастая, становятся подлыми прислужниками врагов армянского народа — дашнаков. Для юных читателей в этом тонко написанном *противопоставлении* — поучительная правда жизни!

Лучшие страницы повести Л. Гурунца посвящены дружбе армян и азербайджанцев в трудные для обоих народов годы. Нельзя читать без волнения, как делят между собой хлеб полуголодные семьи армянина Оана и азербайджанца Новруза-али, как жители соседнего азербайджанского села Узунлар помогают нгерцам вспахать отобранную у кулаков землю. Буржуазные националисты —дашнаки и мусаватисты — путем *позорных сделок* хотели отдать Армению и Азербайджан в рабство англо-американским империалистам. Красная Армия выгнала их вон, помогла армянскому и азербайджанскому народам установить у себя советскую власть. Л. Гурунц с большой силой рассказывает о том, как большевики создавали партизанские отряды, помогавшие Красной Армии, как радостно и торжественно встречал народ победителей.

Несколько замечаний о недостатках повести. Нам кажется, что автор, хорошо описав события в селе Нгер, недостаточно связал их с большим миром, с событиями тех же лет на Кавказе и во всей России. В «Золотом утре» слишком много героев— не всех запоминаешь. Бледно описан отец Арсена — Ншхан. Этот образ не стал по-настоящему типическим, потому что Ншхан мало действует, почти не проявляет себя в поступках. В финале книги автор неоправданной скороговоркой заполнил страницы, показывающие установление советской власти в Нгере,— важные страницы! Есть в повести длинноты, иногда Л. Гурунц излишне увлекается лирическими отступлениями.

В целом же «Золотое утро» — волнующее, талантливое произведение.

Гурген БОРЯН

НАД ПЕРВОЙ БОРОЗДОЙ

Автор сборника **«Первая борозда»** («Молодая гвардия», 1953 г., 86 стр.) **Николай Тряпкин** пишет о деревне. В его стихах множество раз встречаются и тракторы, и райком, и ударница Наталья, у которой поэт, по его заявлению, учится «растить, как рожь, свои слова», и сельсовет, куда он «принес на страду свой лирический план». Словом, на первый взгляд, автор органически слит или стремится слиться с окружающими его буднями.

Но при внимательном чтении зарождается догадка, что перед нами — сплошная бутафория, призванная прикрыть отсутствие подлинного содержания, обуревающих поэта, ищущих выхода и выражения мыслей и чувств. Случайно оброненные Н. Тряпкиным слова о «мелких кудрях строк» начинают казаться определением собственных стихов.

Первым делом бросаются в глаза олеографические горенка, которая «улыбчиво-тепла» и где «журчит на шестке Домолюбецкот», «снеговей-крутельник», «звякнувший» под окошком, «смологустой напиток» утра и даже «песенный румяный каравай».

Затем обнаруживаешь, что самые современные сюжеты трактованы автором в явном расчете только на внешнюю эффектность. Вот, сообщив читателю, что «для жизни новой хата старая тесна», поэт далее заявляет:

Не хочу краснеть у тына,
В пальцах мять зеленый хмель,
Что не лезет пианино
В нашу маленькую дверь.

В самом деле, нельзя не поразиться этим поворотом темы, представляющим лирического героя в позе, более подобающей смущенной девушке, чем мужчине, размышляющему о несовершенстве «форм избяных».

Не ясно ли, что тут автор, нимало не заботясь о верности избранному сюжету, кокетливо «повел плечиком».

В стихотворении «Утро» конюх

...как врач, стригунят напоследки
Простучал, убежденный вдвойне,
Что по новым путям пятилетки
Не поедешь на старом коне.

Последнее двустишие для Н. Тряпкина— эффектное финальное «па». Но ведь это лишь подобие афоризма, потому что бессодержательность не может быть афористичной. В самом деле, почему, собственно, старым коням дается такой многозначительный отвод? Значит ли это, что к ним вообще надо отнестись подозрительно?

Когда нет своего, поневоле становишься переимчивым. В стихах Н. Тряпкина нередко слышатся знакомые ритмы, звучат чужие мотивы:

Только не припомню, не отвечу:
Да кому ж в тот вечер заревой
Кланялся я всею человечьей,
Песенной раскрытой широтой?
Хлебу ль, что ни разу не был горьким
На моем безоблачном веку?
Ветру ль, что увел меня на зорьке
И обнял попутную ольху?

Подобные есенинские интонации особенно часто возникают в сборнике («Первый снег, первый снег у ворот...», «Я все тревожнее с годами...», «Лозняком, да выгоном, да лугом...»).

Хорошо, в какие сны я страны
Ни поляжет песенный разлив,
Лишь бы рядом — синие туманы,
А запев был молод и красив!

Эти строки Н. Тряпкина знаменательны: они выдают его пристрастие к внешней поэтичности и его готовность петь обо всем, не питая особой склонности ни к чему.

И когда поэт декламирует: «Дай же, земля, мне большого волненья, думой поднять-ся над полем родным», читателю просто неловко становится: ведь автор «играючи» просит того, чего и в самом деле не хватает его книге.

Поэту нельзя, подобно беззаботной пичужке, прыгать по жизненной дороге и пить, пользуясь выражением самого Тряпкина, «из любого, из копытного следа». Так можно наглотаться и стоячей водицы. По стихам «Где вы, стены, одетые в тес...» видно, куда это может привести. В них переселение донских станиц на новые места из-за прихода в степи большой воды «поспело» по образу и подобию заунывных плачей поэтов «уходящей деревни»:

Золотой одуванчик пророс
На моем пепелище...
И вернусь я, быть может, седым,
Точно пенные воды,
И возьмусь я над местом родным
Провожать ледоходы.

Тряпкин пошел по заведомо неверной дороге. А человек он талантливый, и хочется предостеречь его.

А. ТУРКОВ

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

Радостно читать книгу, ощущая, что писатель не мог не написать ее. Такова умная и сердечная повесть М. Поступальской **«Чистое золото»** (Детгиз. 1953 г. 446 стр.). С первых же страниц нас охватывает беспокойная атмосфера больших мыслей, переживаний и живых, непридуманных дел и поступков.

Стало привычным каждую новую книгу о школе подвергать проверке на «связь школы с жизнью». Нередко эту связь представляют себе как некий мост, связующий школу с окружающей ее средой. Один мост шире, другой — уже. Но для выпускников далекой алтайской школы жизнь прииска Таежного, труд отцов и матерей — это их жизнь, их кровное дело.

Нелегким путем приходит Тоня Кулагина, центральная героиня повести, к мысли остаться после десятилетки работать в шахте. Этой девушке, тепло обрисованной автором, выпали на долю и колебания, и заблуждения, и ошибки. Но с детских лет Тоня вобрала в себя все приметы родной тайги (таежный пейзаж, кстати, очень удался автору — словно кистью выписан!); отец девочки на ее глазах из рабочего-откатчика вырастает в горного мастера; суровые легенды края, повседневный труд приискателей, душевное общение с любимой учительницей, жизнь в комсомольском коллективе, глубокое первое чувство — все это формирует цельную натуру советского молодого человека, человека, в котором страстный интерес к жизни и труду находится в единстве с чувством долга. Такова Тоня. Таковы, отличные от нее по характеру и судьбам, Павлик Заварухин, Толя Соколов, Илларион Рогальский, Женя Каганова...

Полной жизнью живут в повести и взрослые герои. Судьбы юных героев связаны с их судьбами не специальным заданием автора, но общностью почвы, деяний, перспектив.

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА

Б. БРАИНИНА,
Е. БОЛТИН,
кандидат военных наук, полковник

Книга С. Голубова «Когда крепости не сдаются» относится к жанру художественно-документальных романов. Главный герой книги — Д. М. Карбышев, военный инженер и боевой офицер старой русской армии, участник русско-японской, первой мировой и гражданской войн, затем видный советский военный педагог и ученый, генерал Советской Армии, геройски погибший в борьбе за Родину.

В документальном произведении легко сбиться на простое жизнеописание, изложение биографии. Голубов избегает этой основной ошибки, присущей многим документально-биографическим книгам. Из обширного историко-биографического материала писатель творчески отбирает то, что необходимо для создания художественного образа.

Исторические факты и действительные биографии искусно вплетены в ткань художественного вымысла. Историческая личность не ограничивает автора в раскрытии характера, ибо он умеет выявить главное, основное. Герои, существовавшие и вымышленные, даны в равной степени живо, с одинаковым мастерством. Следует особо отметить теплый, ясный и чистый образ М. В. Фрунзе, который показан в многообразных взаимоотношениях и с простыми бойцами, и с такими деятелями, как Куйбышев, Чапаев, Карбышев, и с людьми чуждого, буржуазного склада—Азанчеевым и Лабунским. Изображая характер Фрунзе с разных сторон и разными путями, автор создает обаятельный образ коммуниста-полководца.

В эпизоде, открывающем книгу, Карбышев—еще молодой капитан, военный инженер царской армии, далекий от политики, от революционного движения, но он вышел из честной трудовой семьи, знает нужды простых людей, а потому с гневом обрушивается на табельщика Жмуркина и выгоняет его с работы за то, что тот бессовестно обкрадывает крестьян, работающих на постройке укреплений в крепости Брест.

Автор сумел показать основные черты характера Карбышева: именно близость к народу, горячее чувство справедливости, отвращение к социальному неравенству, эксплуатации и лицемерию помогли Карбышеву найти правильный путь в дни революционной борьбы.

Знаменательна сцена беседы Карбышева с педантом от революции Глебом Наркевичем в канун гражданской войны.

Карбышев уже тогда сделал для себя выбор и на другой день должен был ехать по вызову ревкома в Могилев.

«Глеб встряхнул жестяную лампочку, стоявшую на столе, — он хотел проверить, достаточно ли в ней керосина,— и черные тени собеседников, как огромные летучие мыши, заметались и запрыгали по бревенчатым стенам.

— Ехать в Могилев по вызову ревкома — значит, выступить в гражданской войне на стороне Советской власти.

— Разумеется,— подтвердил Карбышев, отбирая у Наркевича лампочку и прочно ставя ее на стол, отчего тени на стенах перестали метаться».

Голубов в этой сцене сумел показать, как из «множества и разнообразия мыслей, вдруг столпившихся в голове» Карбышева, точно, ясно выступает кровная генеральная мысль, что, защищая народную революцию, он защищает и самого себя, что народ — это Родина, любимей которой нет ничего на свете. И все художественные детали этой сцены (лампочка, тени на стене) подчеркивают существо характеров героев и их противоречие: ненужную внутреннюю суетливость Наркевича, прочную ясность Карбышева.

Автор раскрывает образ Карбышева, сталкивая судьбу своего главного героя с судьбами многих других людей.

Образ Карбышева особенно отчетливо раскрывается в столкновении с Азанчеевым.

Выходец из привилегированной дворянской среды, Азанчеев образован, умен, безусловно, лично храбр. Но все его помыслы подчинены мечтам о карьере, стремлению выдвинуться, опередить других, забраться по социальной лестнице буржуазно-дворянского общества возможно выше. Он не только не любит свой народ, он его презирает и боится. И представители народа — солдаты — платят ему ненавистью и презрением.

Карбышев и Азанчеев — непримиримо разные социальные типы и человеческие характеры. Это выразительно показано и в их внешнем портрете.

Через описание наружности Голубов тонко и точно передает внутреннюю сущность своих героев. Пылатный врач Османьянц, весь переполненный лукавым и добрым юмором, «умел очень ловко перехватывать чужие улыбки. И они отражались в его глазах хитрыми огоньками». Лицо рядового бойца Елочкина, доверчиво-поэтически влюбленного в красоту человеческой души, «как бы обрызгано лучами ясных глаз». Живые, яркочерные глаза Карбышева «смотрели так широко и открыто, что, казалось, будто они без ресниц». А вот лицо холодного карьериста Азанчеева казалось вовсе безглазым: уклончивый, беспокойный взгляд его глаз «был так неуловим, что легко могло показаться, будто никаких глаз и вовсе нет на холеном, красивом лице этого белобрысого мефистофеля».

Волею случая Азанчеев после революции попадает в ряды Красной Армии. Но это отнюдь не изменяет его. По словам, которые автор вкладывает в уста Карбышева, Азанчеев «...при царе был хорош... при Керенском — еще лучше; похоже, что и теперь не пропадет». Свое презрение к народу, Азанчеев переносит на слушателей Военной академии, где он преподает. Все они, вчерашние рабочие и крестьяне, для него только «Неучи Ивановичи». Он — автор ряда книг по истории и теории военного искусства. Но книги эти написаны на основе ложного метода и потому по своему существу антинаучны. Он глубоко враждебен марксизму, ненавидит все новое, советское, но маскирует эту ненависть псевдонаучными фразами. Автор правдиво показывает судьбы Азанчеева и Карбышева: один из них категорически отвергается всем ходом советской жизни, другой все глубже и глубже входит в новую жизнь, растет вместе с ней.

В дни Великой Отечественной войны проявляется патриотизм Карбышева. Находясь в начале войны в Западной Белоруссии с целью инспектирования приграничных укреплений, он, контуженный в бою при попытке выйти из окружения, попадает в плен. И вот здесь, в немецко-фашистском концлагере, с особой силой обнаруживается величие его характера. Вокруг него собираются все пленные, способные сопротивляться изнуряющему, убийственному режиму концлагеря и противостоять разлагающей фашистской пропаганде. Автор с большой художественной выразительностью, с глубоким лиризмом показывает, как боролся этот физически немощный, но душевно несгибаемый человек, как гордо перенес он долгие три года плена и как глубоко верил в конечное торжество своего народа. Врагам осталось одно: физически уничтожить своего пленника. И за несколько недель до полного разгрома фашизма палачи зверски умертвили Карбышева: в морозную ночь они поливали его, обнаженного, холодной водой из шланга, пока не превратили в ледяной столб...

Трагическая и славная судьба Д. М. Карбышева раскрывает основную тему романа: «Обороняются не стены, а люди»,— говорит Карбышев.— «Стены только помогают людям обороняться... советскую крепость можно уничтожить, но взять — нельзя».

Эта мысль подтверждается опытом героической обороны Бреста — крепости, в строительстве которой участвовал когда-то Карбышев и советский гарнизон которой летом 1941 года в неравной борьбе погиб до единого человека, но не сдался. Это — одна крепость. Вторая — сам Карбышев.

Жизнь Карбышева — эпопея воинского долга, упорного труда и героизма. При этом конфликты и противоречия, сопутствовавшие Карбышеву на его жизненном пути, в книге С. Голубова раскрыты, как часть той громадной общественно-политической борьбы, в которой принимает участие весь народ.

Книга Голубова—большое, многоплановое произведение. Это художественно-полноценный военный роман, в котором на высоком уровне освещены вопросы военного дела, военного искусства.

Рисуя картины военных действий русской армии, автор художественными средствами вскрывает причины проигрыша войны царским правительством, показывает неизбежность революции. При этом он не следует шаблону, в силу которого обреченность царизма и капитализма изображается лишь «сверху», через показ правящих кругов. Автор здесь пошел другим путем: он раскрывает смысл крупных исторических событий «снизу», через образы рядовых людей.

Многие страницы романа посвящены эпизодам великой исторической битвы за революционное преобразование России, за создание и упрочение Советского государства, его вооруженной борьбе с капиталистическим миром, вплоть до победы над германским фашизмом.

Историческая перспектива несколько сужена в третьей части романа. Здесь основное внимание автора сосредоточено на одной из центральных проблем романа — проблеме советской военной науки. Суть этой проблемы он трактует правильно. Конфликт между буржуазной и советской военной идеологией разрешается победой последней, но читатель не ощущает при этом того дыхания подлинной жизни, которое делает столь убедительными предшествующие страницы.

Третья часть романа несколько растянута, в ней слишком много иллюстративно-описательного материала (излишне пространны рассуждения героев о военно-инженерном деле) и мало действия. Образ Карбышева, в других частях такой живой, действенный, всесторонне зримый, здесь становится в известной мере статичным. А отсюда — и излишняя риторичность героя, его склонность к поучениям, что противоречит образу в целом.

В заключительной, четвертой части романа С. Голубов возвращается к своему основному методу и достигает успеха: эта часть — едва ли не лучшая. В ней события Великой Отечественной войны раскрыты через судьбы и мироощущение людей, отражавших первый, внезапный удар врага и затем оказавшихся в немецко-фашистском плену. Так, показывая общее через частное, автор убедительно освещает моральные источники победы советского народа. Вот почему, несмотря на трагический конец героя книги, ее заключительный аккорд полон оптимистического, жизнеутверждающего звучания.

«Когда крепости не сдаются» — книга о воинском воспитании, о патриотическом долге советских людей. Роман учит мужеству, учит доблести.

С. Голубов. «Когда крепости не сдаются». Воениздат. 1953.

БЫТ В КАРТИНЕ

Сергей АНТОНОВ

В своей новаторской деятельности передвижники уделяли особое, исключительное внимание бытовой живописи. Расцвет так называемого «жанра», по словам В. Стасова, «не прихоть, не каприз, не выдумка одного или нескольких художников, а выражение современной потребности, всеобщей, неудержимой, всюду победоносной,—потребности в выражении искусством всех сторон жизни, со всем, что в ней есть великого и малого, высокого и низкого, трагического, комического или пошлого, не боясь никакой задачи, не отступая ни перед одним мотивом».

Не случайно картины на бытовые темы, созданные мастерами прошлого, стали классическими и полотна «жанристов» прошлого века известны у нас каждому школьнику.

Однако, если перечислить современных художников, систематически работающих в области бытовой живописи, то список их ограничится немногими именами.

Почему это происходит?

Может быть, живопись такого рода перестала интересовать народ? Вряд ли. Наибольшее количество записей в книге отзывов любой художественной выставки посвящено именно бытовым картинам, хотя количество таких картин невелико.

Может быть, средствами бытовой живописи невозможно отразить важнейшие идеи нашего времени? Нет, и это утверждение неверно. В картине Ю. Непринцева «Отдых после боя» хорошо передана большая, значительная идея.

Может быть, у художников, попросту говоря, не хватает мастерства? И это не так. За годы советской власти наши галереи обогатились многими замечательными полотнами на исторические темы, прекрасными портретами и пейзажами.

Одна из основных причин отставания бытовой живописи заключается, по-моему, в том, что эта живопись всегда являлась и является наиболее трудным жанром, наиболее трудным потому, что картины на бытовую тему требуют, кроме всего прочего, отчетливого выражения на полотне мысли художника, требуют его приговора над явлениями действительности.

Истинный деятель искусств — всегда общественный деятель. В основе замысла высокоидейного художественного произведения всегда лежит личное отношение творца к изображаемому и стремление передать это свое отношение обществу. Своим произведением художник стремится превратить свое личное отношение к действительности в отношение общественное.

Жаль, что наша современная критика, анализируя произведения искусства, слишком мало внимания уделяет именно этой стороне дела. Есть у нас и такие критики, которые видят в отсутствии личного отношения художника к изображаемому даже достоинство картины. Так, О. Сопоцинский на страницах журнала «Искусство» в статье о пейзажах, представленных на художественной выставке 1951 года, с удовольствием отмечал: «Художников занимают не личные переживания по поводу того или иного уголка нашей необъятной страны. Образы природы для них лишь путь для выражения общенародных чувств любви к великой Советской Отчизне, восхищения грандиозной созидательной деятельностью советского общества». В том-то и суть, что чувство этой любви и восхищения грандиозной созидательной деятельностью народа невозможно передать зрителю, если эти чувства не станут личными чувствами художника.

Почему же так велико значение личной инициативы и индивидуальных склонностей художника при работе именно над бытовой картиной?

Дело в том, что на картине, написанной на бытовую тему, чаще всего изображаются современные люди, поставленные в положения, которые наиболее ярко и отчетливо выражают сущность этих людей, как типических представителей определенного класса, определенной общественной группы. При этом художнику неизбежно приходится решать задачу, общую для всех искусств: путем заострения типических черт образа он старается отобразить персонаж, как явление общественное, сделать его похожим на представителей определенной общественной группы, и в то же время наделяет его одному ему присущими особенностями, своеобразными чертами, делает его непохожим на других персонажей этой же общественной группы.

Вопрос о том, как совместить в образе общее и индивидуальное, «похожее» и «непохожее», «преувеличенное» и «обыкновенное», в свое время поставил в тупик Лессинга. «Как возможно, чтобы типический характер был одновременно и преувеличенным и обыкновенным?» — спрашивал он и предоставлял читателям решать этот вопрос самим.

Однако марксистская эстетика давно разрешила это кажущееся противоречие. Именно индивидуальные, особенные черты персонажа, взятые в определенных пропорциях и комбинациях, заостренные и преувеличенные, являются средством выражения его типической сущности. Выразить типическое через посредство индивидуального, особенного и есть главная задача художника-реалиста.

Индивидуальных деталей и черт наружности, одежды, обстановки, характеризующих персонажей данного социального типа, в жизни больше, чем звезд на небе. Из этих черт художник выбирает те, которые наиболее ярко донесут идею его произведения до зрителя. И вот здесь, в процессе поиска и отбора, огромную роль играет творческая личность художника. В том, что он выберет и перенесет на картину для воплощения идеи, так же как и в том, от чего он откажется; в том, что он считает важным, а что не важным, отражаются его симпатии и антипатии, его миросозерцание, его страсть, пафос,—словом, вся его натура. Поэтому сталевар-стахановец, изображенный одним талантливым художником, никогда не будет похож на сталевара-стахановца, изображенного другим талантливым художником.

Мастеру средней руки, художнику, лишенному яркой творческой индивидуальности, незнакомы мучительные поиски «особенного», «характерного», никем до сих пор не увиденного, поиски, связанные с глубоким изучением жизни, связанные зачастую с отказом от своих привычных мыслей и взглядов, с сомнениями и разочарованиями. Такой «мастер» для индивидуализации персонажа употребляет самые легкие, лежащие под рукой детали, не понимая, что под руку-то попадают чаще всего затрепанные, холодные, давно переставшие трогать сердца штампы.

Собирая материал для «Сватовства майора», гениальный русский живописец П. Федотов, по свидетельству Дружинина, «под разными предлогами входил во многие купеческие дома, придумывал, высматривал и оставался недовольным. Там хороши были стены, но аксессуары с ними не ладили; там годилась обстановка, но комната была слишком светла и велика». Без таких поисков, без глубокого изучения жизни нет истинного художника. Чем ярче творческая индивидуальность художника, тем больше он найдет особенных черт и деталей, убеждающих зрителя в правоте его мысли, тем сильнее будут действовать они в его картине. И поэтому, глядя на людей, изображенных на хорошей картине, зритель всегда познает и личность художника, знакомится с его мыслями и чувствами.

Иногда мастерски выполненный пейзаж, похожий портрет, полотно на историческую тему могут удовлетворить зрителя и в том случае, если личность и взгляды художника не раскрываются в них.

Но чем смелее художник углубляется в современную жизнь, чем ярче и правдивей обнажает ее противоречия, тем настойчивей станет его спрашивать зритель: «Все это так, все это мы знаем и переживали, но что ты по этому поводу думаешь?». Без ясного, глубокого ответа на этот вопрос бытовая картина окажется несостоятельной.

Высокий опыт бытовой живописи всегда благотворно влияет и на другие жанры: на портрет, на историческую картину и даже на пейзаж, влияет до того сильно, что часто стираются жанровые рамки.

Что такое «Протодиакон» Репина? По жанру это — портрет, а по выполнению и по глубине мысли, по разоблачительной тенденции — бытовая картина. Ведь даже «Христос в пустыне» Крамского превратился в реалистическое изображение глубоко задумавшегося человека. Недаром сам Крамской писал: «это не Христос, т. е. я не знаю, кто это. Это есть выражение моих личных мыслей».

Жизнь, излучаемая бытовой картиной, оживляет и исторические полотна. Исторический персонаж становится невозможно изображать по старинке в хрестоматийном виде. Разве «Меншиков в Березове» Сурикова—не историческое полотно по факту и не бытовая картина по выбору сюжетного момента и по глубине психологической характеристики действующих лиц.

Для того, чтобы живопись полнее отвечала растущим потребностям народа, нашим художникам следует уделять больше внимания работе над бытовой темой, писать больше картин, изображающих жизнь современного советского человека во всем ее многообразии, во всей ее сложности.

Картиной такого рода, по нашему мнению, является полотно С. Григорьева «Вернулся», выставленное в Государственной Третьяковской галерее среди произведений, выдвинутых на соискание Сталинской премии.

На картине изображен немолодой уже человек, бросивший жену и двух детей, но понявший свою ошибку и только что вернувшийся к семье. Он вошел в ту самую комнату, где прожил много лет; не снимая дорогого кожаного пальто, сел на маленький столик и нервно закурил. Две коробки конфет, которые он принес в качестве подарка, очень неуместного в этот момент, лежат рядом с ним, стыдливо прикрытые шляпой. Только теперь ему стало по-настоящему тяжело, только теперь он понял, как не идет его одутловатому, постаревшему лицу модная велюровая шляпа с нижонисто загнутыми полями.

Приход отца нарушил привычную жизнь семьи. Учивший уроки сын, чувствующий уже себя главой семьи, мужчиной, защитником матери, подошел к ней и встал рядом, показывая этим, на чьей он стороне. Он все понимает своим юным сердцем, и ему очень тяжело, очень неловко и стыдно.

Четырехлетнюю дочурку, спокойно игравшую в уголке, приход отца испугал — она его не помнит, не знает, он для нее «чужой дядя», непривычный гость в комнате, и она на всякий случай отбежала к матери.

А мать, положив руки на стол, смотрит на своего блудного мужа с укором и жалостью. Осунувшееся, преждевременно побледневшее лицо ее лишь слабо напоминает лицо жизнерадостной, веселой девушки, портрет которой висит на стене. Рядом с ним висел когда-то и другой портрет, от которого осталось только темное пятно на обоях... Нелегко пришлось этой женщине поднимать семью без мужа. Обстановка комнаты небогата: стол, одновременно и письменный и обеденный, стулья разные, сборные. Судя по форменной тужурке, наброшенной на плечи женщины, она — горный инженер. Лекала и свернутый в трубку ватман дают понять, что она берет работу и на дом. Но, несмотря на недостаток средств, у девочки есть и игрушечный сервиз, и кукольный плетеный стульчик, и маленький столик, так грубо оккупированный сейчас отвыкшим от детей и расстроенным отцом.

Отец еще не окончательно вернулся в семью. Он пришел для того, чтобы узнать, как относится к нему жена, для предварительного разговора.

Выбор этого сюжетного момента, помогающего показать персонажей в положении, при котором, по выражению Крамского, «все стороны внутренние наиболее всплывают наружу», позволяет отдать должное тонкому художественному чутью и такту художника.

При работе над бытовой картиной, имеющей, как правило, в основе своей повествование о событии, очень важно уметь правильно определить сюжетный момент, сюжетное положение, которое следует запечатлеть на полотне. Недостатком некоторых наших жанровых картин является как раз неумение художника правильно определить этот сюжетный момент. Причем, на мой взгляд, и здесь критика иногда сбивает художника. Хорошая картина Б. Неменского «Сестры наши», на которой изображены две медицинские сестры полевого госпиталя в минуты отдыха после тяжелой работы, вызвала следующую реплику Н. Дмитриевой («Искусство». №2. 1953 г.): «Думается, что Неменский совершил ошибку, изолировав сестер от общения с ранеными. Он посадил их совсем отдельно, только виднеющийся угол койки указывает на то, что дело происходит в полевом госпитале. Между тем ведь именно в заботах, в уходе за ранеными и становится видно, что это действительно «наши сестры».

Как можно давать такие антихудожественные советы!

Этак и трех богатырей Васнецова надо запустить в бой с каким-нибудь Соловьем-разбойником: ведь именно в бою становится видно, что они действительно богатыри.

В живописи не всегда изображение самого напряжения момента события является самым правильным.

Контраст между спящими ранеными и усталой, ожидающей рассвета, медицинской сестрой, готовой по первому зову притти к ним на помощь, создает ощущение бессонной трудовой ночи, проведенной в заботах о бойцах, и это ощущение говорит зрителю гораздо больше, чем изображение перевязки или чтения книжки у кровати больного. Не случайно в картине «Утро стрелецкой казни» Сурикова казнь еще не началась, а в картине «Иван Грозный и сын его Иван» изображен не момент убийства сына разгневанным отцом, а то, что произошло вслед за этим...

Такой «сдвиг» расширяет временные рамки сюжета и дает возможность зрителю отчетливо и верно представить, что было до изображенного художником момента и то, что будет после.

В этом смысле примечательна и картина С. Григорьева.

Несмотря на то, что «беглый» отец зашел лишь для предварительного разговора, зрители чувствуют, что в семью он вернется, вернется навсегда и будет вспоминать о беспутно прожитых днях, как о тяжелой ошибке. Почему возникает это ощущение?

Взгляните на женщину, обратившую к мужу увлажненные слезами глаза. Она думает, взвешивает, обсуждает сама с собой: быть или не быть ему снова мужем и отцом. Только от нее зависит теперь решение этого сложного вопроса. Мысль ее идет по верному пути: ей чужды ложное самолюбие и элементарные материальные соображения. Главный вопрос, который она решает, это вопрос о том, как будет лучше детям, как будет лучше этому запутавшемуся человеку.

Образ настоящей, сильной духом, справедливой советской женщины — большая удача художника, ключевой, главный образ картины; недаром один из зрителей написал в книге отзывов: «Как этот человек мог уйти от такой женщины?».

Главным этот образ является потому, что, несмотря на тяжелую, даже в какой-то мере трагическую ситуацию, изображенную художником, он предопределяет оптимистическую развязку.

Вряд ли, конечно, семейная жизнь супругов после примирения станет по-настоящему прежней — такие семейные разлады не забываются,—но то, что муж готов возобновить прежние отношения, а жена будет содействовать ему в этом, чувствуется довольно ясно.

Предчувствие хорошей развязки, оптимистическое звучание, составляющее одно из главных отличий современной бытовой картины от жанровых картин прошлого, является важным достоинством картины С. Григорьева.

Заслуга художника в этом отношении тем более велика, что он взял не простую, не схематическую ситуацию. Куда проще было бы окарикатурить бросившего детей мужчину, написать его вроде главы семьи в картине Гринюка «Раскритиковали», наделить его чертами пошлости и ограниченности, сделать человеком недостойным ни жены своей, ни детей. Но до чего банальной при таком решении стала бы картина. Как упростилась бы развязка. Как потускнел бы образ жены, которой не было бы о чем думать, кроме того, чтобы возможно вежливей и деликатней сказать бывшему супругу: «Уходи!».

Нет, С. Григорьев не упрощает задачу. Мужчина, сидящий на детском столике, знакомый нам человек — один из тех кабинетных работников, которые слишком мало обращали внимания на семью и, наконец, отвыкли от нее, один из тех, кто не помнит, сколько лет его сынишке и дочери. Глядя на его поникшую фигуру, так не соответствующую кожаному пальто и велюровой шляпе, на опущенную голову, на папиросу в руке, мы чувствуем, как он раскаивается и стыдится, и нам его даже немного жаль.

В подборе средств и деталей, характеризующих беглого отца, с особенной силой сказалась индивидуальность художника, его «лица необщее выражение». С. Григорьев — это человек, глубоко изучивший жизнь, понимающий ее сложные противоречия и, главное, любящий людей. Эта ясно ощутимая даже в характеристике так называемых «отрицательных персонажей» любовь к людям и составляет особенность его творческой личности. Художник порицает мужчину, ушедшего из семьи, и вместе с тем и жалеет его, он понимает, что такое может случиться не только с морально опустошенным типом, но и с внутренне здоровым человеком, поддавшимся временным заблуждениям, показывает, что стандартные меры осуждения отнюдь не ко всем одинаково применимы.

Но, может быть, такая трактовка «отрицательного образа» снижает обличительную силу картины? На это можно ответить так: задача искусства заключается не только в том, чтобы обличать недостатки, но и в том, чтобы предупреждать их.

Картина С. Григорьева вряд ли поможет исправиться закоренелым донжуанам, на них, как показывает опыт, лучше действуют судебные органы, чем искусство. Но эта картина сделает не менее важное дело: она заставит повременить с поспешным решением тех отцов и матерей, в отношениях которых наметилась большая или малая трещина, она заставит задуматься тех легкомысленных молодых людей, которые слишком поспешно собираются вступить в брак, не понимая еще всей сложности и ответственности такого шага.

В этом—ценность картины С. Григорьева.

И жаль, что картин такого типа, картин, показывающих наших современников в быту, при решении сложных личных вопросов, картин, посвященных нашей новой морали, пока еще мало на наших выставках.

Есть еще одна важная черта в повести М. Поступальской, за которую книга полюбится юному читателю. Это — обстоятельность. Не пустопорожняя велеречивость, не нудное излишество в описаниях, не приземленные поиски любых деталей, но хозяйственная щедрость слова, необходимая для раскрытия характеров, для широкого показа действительности. Юноши и девушки — герои повести — показаны в разных обстоятельствах своей жизни, характеры их проявляются в различных условиях: на уроках и школьных вечерах, в семье и в общежитии молодых рабочих, в труде, в кругу друзей и наедине с самим собой. Заметно, что автор не любит пунктирных линий, долгих пауз, не убегает от острых ситуаций; пусть читатель увидит героев в полный рост, пусть проследит, как в борьбе с препятствиями, в спорах, раздумьях складывается характер советских молодых людей нашего времени. М. Поступальская любит своих героев, хорошо знает их, поэтому ей удалось справиться с трудной задачей многогранного показа героев.

— Мы все — я и мои подруги,— пишет десятиклассница Людмила Цыганкова из Минска.— читали эту книгу, смеялись, плакали, говорили, спорили...

Есть в повести и несколько десятков утомительных страниц — там, где обстоятельность уводит писательницу от душевного мира героев, от сюжета и переносится на описание производственных процессов, прискового оборудования. Тем более это досадно, что во второй части повести автор недостаточно уделил внимания развитию отношений между Тоней Кулагиной и вернувшимся с фронта Павликом Заварухиным, и этот юноша, который полюбился читателю заочно, не приобрел новых красок, когда стал активно действующим персонажем повести. Можно было бы без ущерба опустить ряд эпизодов (например, разговор о литературе в общежитии, речь секретаря обкома).

Но эти отдельные «провалы» не могут скрыть бесспорного умения М. Поступальской глубоко, верно и романтично показывать действительность.

О. ХАВКИН

КНИГА О СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Понятен живой интерес советского читателя к китайской литературе. На русском языке, а в последнее время и на языках народов СССР, появились повести и рассказы Чжао Шу-ли, романы и рассказы Дин Лин и Чжоу Ли-бо, несколько пьес. Читатель узнал и прекрасный талант Го Мо-жо — прозаика, поэта, драматурга, и глубокие по мысли и богатые по языку рассказы Мао Дуня. Наконец, недавно вышедший сборник «Поэты нового Китая» объединил многие произведения современной боевой китайской поэзии, публиковавшиеся прежде в разных журналах и газетах.

Книга **Н. Т. Федоренко «Очерки современной китайской литературы»** (Гослитиздат. 1953) отвечает на вопрос о том, как возникли произведения нынешней китайской литературы.

Хорошо то, что во введении автор рассказал и о классическом литературном наследии китайского народа и о «движении 4 мая» 1919 года, антиимпериалистическом и антифеодальном движении за новую культуру, против империалистической и феодальной культуры; таким образом, читатель получает представление об истоках современной китайской литературы.

Хорошо и то, что как во введении, так и во всей работе автор рассматривает литературный процесс в тесной связи с китайской революционной действительностью.

Примерно половину книги занимают очерки, посвященные творчеству Лу Синя, Го Мо-жо и Мао Дуня. Лу Синь предстает перед нами как великий революционный писатель, художник-реалист, верный друг Советского Союза, пламенный пропагандист советской литературы. Надо сказать, что если о классике китайской литературы и основоположнике социалистического реализма в ней — Лу Сине наши литературоведы и критики писали неоднократно, то Н. Федоренко принадлежит заслуга в предоставлении советскому читателю ценных сведений о жизни и творчестве двух выдающихся революционных литераторов и общественных деятелей Китая — Го Мо-жо и Мао Дуня. Читатель узнает о революционном пути крупнейшего китайского писателя, борца за мир Го Мо-жо. В заслугу автору следует также поставить правильную, четкую характеристику созданной Го Мо-жо в 1921 году литературной группы «Творчество» как группы прогрессивной, боровшейся с феодальной культурой.

Все эти три очерка содержат и необходимые справочные сведения, так как в них говорится если не о всех, то во всяком случае о главных произведениях писателей.

В очерке «Новый этап» показано развитие китайской литературы в годы национально-освободительной войны против японских захватчиков. Здесь автор говорит об огромном значении для писателей и деятелей искусства Китая исторического выступления Мао Цзэ-дуна в 1942 году на яньаньском совещании по вопросам литературы и искусства и, наконец, о Первом всекитайском съезде работников литературы и искусства, созванном в свободном Пекине в июле 1949 года.

Отдельные очерки посвящены основным темам современной китайской литературы—теме преобразования деревни и теме рабочего класса. На примере рассматриваемых произведений, а также на фактах современной китайской действительности автор показывает, что народ и ведущая его коммунистическая партия стали героями литературы, что в произведениях китайской литературы появился новый человек.

Привлекая высказывания китайской критики, автор отметил и недостатки многих произведений — отрыв от действительности, схематизм. Н. Федоренко справедливо подчеркивает успешную борьбу китайских писателей под руководством коммунистической партии за преодоление этих недостатков, подчеркивает и значение в этой борьбе примера советской литературы, исторических решений Коммунистической партии Советского Союза по вопросам литературы и искусства и, в частности, материалов и решений XIX съезда КПСС.

Читателю будет интересно узнать из книги и о большой тяге рабочих и крестьян к литературе, и о новых писателях, поднявшихся с революцией и уже ставших известными народу.

Очерк «Стихи и песни», несмотря на некоторую его схематичность, создает представление о том, как живо и непосредственно откликается китайская литература на явления жизни, как она борется за мир во всем мире, помогает братской Корее, воспевает дружбу с народами Советского Союза.

Тема нерушимой дружбы советского и китайского народов пронизывает всю книгу, ей же отведен и целый очерк «Советская литература в Китае».

В работе Н. Федоренко есть недостатки. Они в тех общих местах, которыми автор подчас заменяет анализ, в перечислениях произведений без должного к ним комментария, а иногда, наоборот, и в излишних подробностях. К примеру, совсем ни к чему здесь полемика на тему о том, как читать имя героя повести Лу Синя «Подлинная история А-Кью», тем более, что доводы автора мало убедительны.

Первая книга о современной китайской литературе нужна и полезна. Хотелось бы, чтобы наши издательства продолжали работу в этом направлении и познакомили советских читателей с развитием литературного процесса в других демократических странах.

Л. ЭЙДЛИН

Берлин, 6 апреля

Как известно, с 30 марта по 6 апреля в Берлине происходил IV съезд Социалистической единой партии Германии — передового отряда трудящихся Германской Демократической Республики. Съезд, на котором присутствовали представители 24 братских коммунистических и рабочих партий, в том числе делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Президиума ЦК КПСС и заместителем Председателя Совета Министров Союза ССР товарищем А. И. Микояном, стал крупнейшим событием в жизни СЕПГ и всего немецкого народа. В принятом съездом программном документе указан путь к решению жизненных вопросов немецкой нации. В качестве главной задачи партии немецкого рабочего класса и всех прогрессивных немцев съезд провозгласил борьбу против восстановления германского милитаризма, против военных договоров, подписанных в Бонне и Париже, — за Общеевропейский Договор о коллективной безопасности в Европе с участием Германии.

Ход работы съезда широко освещался в советской печати, и здесь мы хотим рассказать лишь о некоторых подробностях многолюдной демонстрации, состоявшейся в Берлине 6 апреля по случаю окончания IV съезда.

...Площадь Маркса—Энгельса — место традиционных митингов и демонстраций берлинских трудящихся. Пять часов вечера. Отовсюду стекаются колонны демонстрантов. Они приходят не только из Восточного, но также и из Западного Берлина, приходят, чтобы продемонстрировать свою преданность делу партии рабочего класса, делу борьбы за единую, демократическую, независимую и миролюбивую Германию.

Над площадью Маркса—Энгельса развеваются красные знамена рабочего движения. С главных трибун открывается вид на строительство Государственной оперы, на восстанавливаемую башню ратуши. Все здесь подчеркивает тот великий пафос созидания, которым живет Германская Демократическая Республика — оплот всех миролюбивых немцев.

Раздаются звуки «Интернационала». На трибунах появляются руководители СЕПГ, правительства ГДР, Народной палаты. Бурными аплодисментами собравшиеся встречают Вильгельма Пика, Иоганнеса Дикмана, Отто Гротеволя, Вальтера Ульбрихта, делегацию Коммунистической партии Советского Союза, посланцев других братских партий, присутствовавших на съезде.

А. Нейман, первый секретарь берлинской организации Социалистической единой партии Германии, открывает митинг.

К микрофону подходит член Президиума ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Длительная овация возникает на площади. Берлинцы с огромным вниманием выслушивают речь тов. А. И. Микояна, передавшего сердечный привет от Советского Союза трудящимся Берлина и всей Германии, много раз прерывают ее горячими аплодисментами.

Советское правительство, говорит А. И. Микоян, последовательно выступает за единую, миролюбивую, демократическую Германию. Однако в силу сопротивления западных держав час объединения Германии все откладывается. Несмотря на это, Советское правительство установило с Германской Демократической Республикой уже теперь, до объединения Германии и заключения мирного договора, такие же отношения, как и с другими суверенными государствами. Теперь Германская Демократическая Республика в отличие от Западной Германии и в политической области и в области экономической имеет все права и возможности свободного развития.

Подчеркнув, что народы обеих стран, как учит опыт истории, должны жить в мире и дружбе, А. И. Микоян под бурные, продолжительные аплодисменты провозглашает здравицу в честь германского рабочего класса и его передового отряда — Социалистической единой партии Германии, в честь единой, демократической, миролюбивой и независимой Германии.

Над площадью, из конца в конец, гремит могучее «ура».

Тепло принимают участники митинга выступления представителя Коммунистической партии Китая Пэн Пын-фэя и члена Политбюро Центрального комитета Французской коммунистической партии Вальдека Роше.

Митинг завершился многолюдной демонстрацией. 250 тысяч жителей из всех секторов столицы прошли по площади Маркса—Энгельса. Это было незабываемо. Демонстрацию открыла колонна, в рядах которой пели славную рабочую песню «Смело, товарищи, в ногу». За первой колонной живым, неиссякаемым потоком следуют другие.

Проходят спортсмены, за ними — молодые рабочие и крестьяне, несущие ныне почетную службу в рядах Народной полиции. Затем снова появляются колонны рабочих. Над рядами — транспаранты с боевыми лозунгами немецких патриотов, с пламенным призывом: «Военному договору о так называемом «европейском оборонительном сообществе» берлинец отвечает: нет, нет, нет!»...

Начинает темнеть. Но демонстрация продолжается при свете прожекторов. Все новые и новые колонны проходят по площади. В их рядах мы узнаем и многих представителей немецкого демократического искусства, старых и молодых литераторов. Матери и отцы, проходя мимо трибун, высоко поднимают над собой детей.

Прекрасна эта картина глубокой, органической связи партии рабочего класса с народом, которую мы наблюдали в Берлине 6 апреля. Она — живое свидетельство сплоченности немецких патриотов в их общей борьбе за единую, демократическую, миролюбивую и независимую Германию.

Н. БЕРНИКОВ

БЕРЛИН.
(По телефону)

УЛИЦА, КАКИХ МНОГО В ПАРИЖЕ

«90 процентов жителей улицы Сент-Анастаз высказались против боннских соглашений» — такой плакат был вывешен на улице в III округе Парижа.

Снимок из французской газеты «Юманите»

ШАГИ КРИЗИСА...

Эта карикатура под названием «Боевой конь или рабочая лошадь?» опубликована в американской газете «Чикаго трибюн». Темой для рисунка послужило распоряжение президента США Эйзенхауэра направлять 20 процентов военных заказов в районы с большим числом безработных.

Кризис уже перешагнул одной ногой через порог американской экономики. Напрасно казенные оптимисты пытаются убедить американцев в том, что это — не нарастающие признаки экономического кризиса, а всего лишь «спад» или «сокращение деловой активности». Напрасно председатель Национального комитета республиканской партии Холл утверждает, что и «спада»-то нет, а есть только группа «парней, вызывающих уныние и настроение обреченности» своими криками о «спаде». Эти нехорошие паникующие «парни», по словам Холла, похожи на «обезумевших людей, богавших в средние века по улицам с криками «чума», когда никакой чумы не было».

Но неумолимые факты кладут на обе лопатки казенных оптимистов. Не «безумные парни», а чиновники из американского министерства труда официально признали, что в конце февраля в США имелось 59 «критических зон» — районов со «значительной» безработицей. В марте число «критических зон» перевалило за 60. Весьма далекий от безумия «парень», подвизающийся на посту экономического обозревателя газеты «Джорнэл оф коммерс», уныло перечислял: «Увольнениями затронуты автомобильные, сталелитейные, железнодорожные компании, текстильная и резиновая промышленность, сельскохозяйственное машиностроение». Другая осведомленная газета — «Уолл-стрит джорнэл» дополняет: «Экономисты считают, что много рабочих будет уволено в ближайшие месяцы в угольных районах, ...в лесной и строительной промышленности».

Министерство торговли США объявило, что в Соединенных Штатах в середине марта было 3.725.000 безработных. Но даже буржуазные круги США признают, что правительственные «данные» безбожно занижены. Число американцев, оставшихся без средств к существованию, очень велико и неуклонно возрастает.

Падение экономической активности, рассуждает американский журнал «Бизнес уик», может означать «фактическое сокращение рабочей силы. Излишние рабочие — женщины, старики и слишком молодые рабочие — просто исчезнут с горизонта». Куда? На этот вопрос журнал, разумеется, не дает ответа.

Ужасна участь «излишних» людей в крупнейшей капиталистической стране. Вот что рассказывает газета «Пост диспетч» о положении в штате Миссури. В центре хлопкового района штата в этом году больше голодающих, чем когда-либо со времени депрессии начала тридцатых годов. Только в одном из хлопковых районов (Карутерсвилле) «6—8 тысяч человек потеряли всякую надежду найти работу и по два-три дня не имеют ни крошки хлеба».

Американские правящие круги не в состоянии найти выход из положения. Их фантазия не простирается дальше размещения военных заказов в районах массовой безработицы. Таким образом, они пытаются одновременно добиться двух целей—расширить гонку вооружений для продолжения «политики силы» и уйти от кризиса. Негодное средство! Разве опыт последних лет не показал с достаточной ясностью, что даже самая безудержная гонка вооружений не только не служит преградой на пути приближающегося кризиса, но еще больше обостряет кризисные явления?

«Чикаго трибюн» в своей карикатуре критикует эту попытку правительства США. Но критикует с особой точки зрения. Достаточно внимательно рассмотреть рисунок, как станет ясно, что газета нисколько не сочувствует безработным, представляя их в виде удобно пристроившихся лукавых бездельников. В то же время американская программа гонки вооружений изображена в виде некоего «рыцаря» (на щите—надпись: **«Программа вооружений США»**), вынужденного «спасать» безработных.

Направленность и смысл этой своеобразной критики объясняется довольно просто. Газета «Чикаго трибюн» отражает интересы промышленников Ближнего Запада — штатов Иллинойс, Мичиган, Висконсин, Айова, Индиана. Военные же заказы, как явствует из надписей на дорожном знаке **(«Оборонные заказы для помощи кризисным районам»)** и на передних санках **(«Безработица в Новой Англии»)**, направляются в группу штатов, известную под названием Новой Англии, — штаты Мен, Нью Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут. Недовольство тем, что лакомые, жирные военные заказы уплывают в чужие руки, откровенная зависть — вот что побудило «Чикаго трибюн» выступить с этой карикатурой.

ПОСПЕШИШЬ—ЛЮДЕЙ НАСМЕШИШЬ!

— ТАК И ПРОИЗОШЛО С ОТКЛИКАМИ ИЗ ВАШИНГТОНА НА СОВЕТСКУЮ НОТУ

Нота Советского правительства правительствам Франции, Великобритании и США от 31 марта находится в центре внимания политической жизни всех стран. Отклики на этот важнейший документ вытеснили с первых страниц газет и журналов различных политических направлений многие другие проблемы. Вокруг советских предложений разгорелась широкая дискуссия, горячие споры. О них говорят политические деятели и ученые, рабочие и крестьяне, миллионы простых людей.

И это неудивительно. Судьбы Европы внушают глубокую тревогу людям доброй воли. Они сознают, что угроза повторения агрессии силами реванша и войны стала особенно реальной сейчас, когда западные державы взяли курс на создание замкнутых военных группировок, на раскол Европы.

Советское правительство, верное своей миролюбивой политике, стремится предотвратить угрозу новой войны. Исходя из интересов сохранения всеобщего мира, советская делегация, как известно, на Берлинском совещании противопоставила планам создания «европейского оборонительного сообщества» предложение «Об обеспечении безопасности в Европе» и выдвинула проект «Общеевропейского Договора о коллективной безопасности в Европе».

Это — конкретная программа, которая ставит дело обеспечения мира на твердую почву. Проект Договора предусматривает создание общеевропейской системы безопасности, основанной на совместных усилиях **всех** государств Европы. Равноправными участниками Договора могут быть Германская Демократическая Республика и Германская Федеральная Республика, а после объединения Германии — единое, миролюбивое, демократическое германское государство.

Советские предложения, выдвинутые на Берлинском совещании, встретили горячую поддержку миллионов людей во всем мире. Идеи, заключенные в них, овладели сердцами масс. Они оказались притягательными для людей различных взглядов и политических убеждений.

Новые предложения, содержащиеся в советской ноте от 31 марта, делают эту программу обеспечения коллективной безопасности поистине всеобъемлющей. В них учтены расхождения, выявившиеся по вопросу о системе коллективной безопасности на Берлинском совещании. Советская нота проникнута желанием устранить препятствия на пути к сохранению мира, к разрешению всех спорных вопросов мирным путем, к ослаблению международной напряженности.

Казалось бы, это должно было вызвать положительную реакцию западных держав. Но в Вашингтоне и Лондоне, как видно, не склонны отказаться от политики создания замкнутых военных группировок. Определенные круги США, как и прежде, стараются помешать созданию системы коллективной безопасности, отвечающей интересам всех европейских народов.

С той же поспешностью, как и во время Берлинского совещания, когда советская делегация предложила обсудить Договор о создании системы коллективной безопасности, представитель государственного департамента США заявил, едва советская нота была получена в Вашингтоне, что предложение Советского Союза неприемлемо для Соединенных Штатов. Французская печать писала после окончания Берлинского совещания, что Даллесу потребовалось сорок минут на размышление, чтобы дать ответ на советские предложения. На этот раз государственный департамент потратил немногим больше времени для рассмотрения советской ноты. Над подобной поспешностью можно было бы посмеяться, если бы она не исходила от столь серьезного учреждения, как государственный департамент Соединенных Штатов Америки.

Нетрудно догадаться, однако, в чем причина такой спешки. Определенные круги США рассчитывали, что чем скорее они выскажут свое отрицательное мнение, тем легче им будет предотвратить широкое обсуждение существа советских предложений. Они полагали, что точка зрения, высказанная США, прозвучит для западноевропейских стран, как команда в обычном хозяйском тоне. Но дискуссия, развернувшаяся и в западноевропейских странах и в самих Соединенных Штатах, показывает, что это был серьезный просчет.

Тотчас же после опубликования советской ноты американская реакционная печать, стараясь помочь государственному департаменту, начала шумную кампанию против советского плана обеспечения коллективной безопасности. Но вернемся сначала к аргументам, которыми пользовалась печать США после Берлинского совещания, и сравним с тем, что говорится сейчас.

После Берлинского совещания американская печать утверждала, что Советский Союз якобы настаивает на «уничтожении» и «расформировании» Северо-атлантического блока. Так, обозреватель американской газеты «Стар» Нойес писал, что «принятие подобного плана (речь идет о советском плане коллективной безопасности. — **А. Б.**) означало бы среди прочего роспуск НАТО». Газета «Нью-Йорк таймс» также утверждала, что осуществление советского предложения «означало бы ликвидацию европейского оборонительного сообщества и НАТО».

Известно, однако, что ничего подобного в советских предложениях не заключалось. Наоборот, еще на совещании в Берлине советская делегация заявляла о своей готовности обсудить любые замечания, которые могут быть сделаны к внесенному ею проекту, в том числе и вопрос о взаимоотношениях с Атлантическим блоком.

Буржуазная американская печать распространяла слухи о том, что Советский Союз якобы «хочет заменить влияние Вашингтона влиянием Москвы», обеспечить себе «исключительное положение» в общеевропейской системе коллективной безопасности и добиться «изгнания» Соединенных Штатов Америки из Европы. «Советский Союз явно стремится захватить всю Европу, и принятие западными державами плана Молотова было бы равносильно самоубийству Запада»,— запугивала своих читателей газета «Нью-Йорк таймс».

Все это было сознательным обманом общественного мнения, попыткой извратить сущность советского плана обеспечения коллективной безопасности. Известно, что в основу советского проекта Договора о коллективной безопасности положено равное положение для всех стран — больших и малых—в системе обеспечения мира в Европе. В. М. Молотов с предельной ясностью указал в своей речи перед избирателями в Москве, что «Советский Союз не претендует на какое-либо особое положение в системе коллективной безопасности европейских государств».

Советская нота подтверждает это со всей очевидностью. Она выбивает оружие из рук тех, кто пытался извратить миролюбивую политику Советского Союза. В ноте подчеркивается, что, идя навстречу западным державам, Советское правительство «не видит препятствий к положительному разрешению вопроса об участии США в «Общеевропейском Договоре о коллективной безопасности в Европе». В ноте выражена «готовность рассмотреть совместно с заинтересованными правительствами вопрос об участии СССР в Северо-атлантическом договоре». Именно участие Советского Союза, единственной великой державы, не представленной в Северо-атлантическом договоре, лишило бы этот договор его агрессивного характера.

Что же говорят теперь в Вашингтоне? Об аргументах, которые мы приводили выше, по понятным причинам предпочитают не вспоминать. Но вместо признания того факта, что новые советские предложения устраняют все препятствия на пути к обсуждению проекта Договора о коллективной безопасности, реакционная печать все же призывает отклонить их. Американская пропаганда с первых дней начала твердить о «неприемлемости» новых советских предложений. Не найдя ничего лучшего, реакционная пресса повторяет набившие оскомину измышления о «неискренности советских предложений», которые представляют собой якобы «пропагандистский маневр» Советского Союза. Вот образчик этих высказываний. Орган крупных промышленников «Уолл-стрит джорнэл» убеждает своих читателей, что советская нота—«простой пропагандистский маневр». «Вашингтон пост» призывает «не верить Москве», «Балтимор сан» просто, без всяких объяснений, уговаривает отвергнуть предложения Советского Союза.

Ничего другого американская буржуазная пропаганда, как видно, изобрести не смогла. Советская нота нанесла сокрушительный удар всем этим измышлениям. Вопреки попыткам государственного департамента помешать обсуждению советских предложений общественным мнением, все больше голосов раздается в пользу рассмотрения советских предложений.

Характерно, что под влиянием настроений общественности американская печать была вынуждена в последние дни несколько изменить тон и сделать ряд знаменательных признаний. Так, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» признает, что нота Советского Союза возвестила начало того, что может безусловно явиться величайшим из всех мирных наступлений.

В то же время в Вашингтоне не скрывают растерянности и страха перед перспективой мирного урегулирования международных проблем. Та же «Нью-Йорк таймс» пишет, что советская нота необычайно усложнила «проблемы, стоящие перед теми, кто определяет курс политики на Западе».

Очень образно охарактеризовала затруднения буржуазной пропаганды австрийская газета «Дас кляйне Фольксблатт», отметив, что предложения Советского правительства поставили на повестку дня вопрос, на котором «известный сорт политиков и журналистов» «сломает себе зубы». Чем не красноречивое признание провала попыток агрессивных сил сеять страх и военную истерию? Недаром обозреватель «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер пишет с нескрываемой тревогой, что «перспективы ратификации договора об оборонительном сообществе довольно мрачны, и Вашингтону следует быть готовым к этому». Весьма недвусмысленно раскрывает одну из причин поспешного отказа США рассмотреть советское предложения влиятельная английская газета «Йоркшир пост». «Западные державы,— пишет она,— понимают, что даже видимость попытки рассмотреть предложения России насчет безопасности неизбежно приведет к дальнейшей отсрочке ратификации французами договора о европейском оборонительном сообществе». Яснее не скажешь!

Позиция Соединенных Штатов в вопросе о системе коллективной безопасности и поспешность государственного департамента вызвали резкую критику в Англии и Франции. Консервативная английская газета «Обсервер» пишет, что на советскую ноту «должен быть дан серьезный ответ». Газета признает, что «Идея всеобъемлющего пакта европейской безопасности, выдвинутая Молотовым, встретила определенный сочувственный отклик в Западной Европе». Английская газета «Ньюс кроникл» пишет, что США поспешно отклонили эту поту, «повидимому, не подумав как следует о беспокойстве и негодовании, которые такого рода тактика может вызвать в странах НАТО».

Против односторонних действий государственного департамента возражает и французская общественность. Видный французский журналист Пертинакс пишет в газете «Франс суар», что «Конструктивная часть ноты связана с проектом коллективной безопасности в Европе... В этих положениях нет ничего, что противоречило бы национальным интересам Франции. Наоборот. Однако политика США развивается в противоположном направлении». Французская журналистка Женевьева Табуи пишет в «Энформасьон» о предполагаемом ответе трех держав на советскую ноту: «Создается впечатление, что выработка указанного ответа будет более трудной, чем в прошлом, если принять во внимание эволюцию общественного и парламентского мнения в Англии и во Франции... На этот раз Франции особенно трудно участвовать в подготовке общего или идентичного ответа с Вашингтоном и Лондоном, ибо речь идет о вопросе, в котором, несмотря на протесты одних и других, позиция нашей страны отличается от позиции двух ее партнеров».

Настроения канадской общественности отражает газета «Джорнэл». «Простой человек,— пишет она,— должен задаваться вопросом, почему среди союзников по Северо-атлантическому союзу наблюдается, повидимому, такое печальное отсутствие доверия и консультации... Мы видим, как США произвольно отклоняют предложения русских, которые касаются всех стран Северо-атлантического союза, не консультируясь ни с одной из них». Газета утверждает, что если бы перед канадцами был поставлен вопрос — должны ли западные страны произвольно отклонить последнее предложение Советского Союза или изучить его искренно и беспристрастно, то большинство согласилось бы с последним. Итак, поспешность государственного департамента возымела далеко не то действие, на которое рассчитывали в Вашингтоне. «Поспешишь — людей насмешишь» — старая русская пословица вполне подходит к этому случаю...

Идея создания прочной системы общеевропейской коллективной безопасности отвечает интересам миллионов людей во всем мире. Именно поэтому советские предложения встречают активную поддержку широчайших кругов общественного мнения зарубежных стран. Все искренние друзья мира горячо приветствуют советские предложения, ибо видят в них единственно возможный путь обеспечения всеобщего мира, надежную гарантию против повторения агрессии.

А. БЕЛЬСКАЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Кинореклама бактериологической войны

В начале этого года в английских газетах было напечатано сообщение о том, что все рукописи известного английского писателя Герберта Уэллса скуплены американцами и переправлены из Англии в США. Причины, побудившие американских бизнесменов скупить литературный архив Уэллса, не были указаны в прессе. Поэтому мы позволим себе высказать предположение, что литературный архив Уэллса был скуплен по прямому распоряжению руководителей кинокомпании «Парамаунт». С некоторых пор этим господам должен доставлять немалое беспокойство тот факт, что Герберт Уэллс в своих произведениях сумел предвидеть ряд научных изобретений и открытий. А что если этот писатель, наделенный богатым воображением, предвидел и некоторые другие события? А что если среди других его записей имеется и такая, в которой заранее разоблачается кинокомпания «Парамаунт», решившая использовать роман Герберта Уэллса «Война миров» в целях раздувания военной истерии и пропаганды бактериологической войны? Не лучше ли перед отправкой фильма «Война миров» в Европу скупить архив писателя и запрятать его подальше?..

Так или не так обстояло дело с покупкой американцами рукописей Уэллса, пока не известно. Но зато нам хорошо известна та оценка, которая была дана фильму «Война миров» при его выходе на экраны Парижа.

«Этот фильм,— пишет французский писатель Жорж Садуль,— ставит перед собой задачу прежде всего запугать зрителя нагромождением отвратительных, проникнутых садизмом эпизодов. Как во многих американских картинах после 1948 года, в нем настойчиво демонстрируются кадры, на которых изображаются заживо сожженные люди. Огонь представлен в качестве наиболее естественного оружия в любой войне. В эпоху напалма эти кадры уже не имеют ничего фантастического». Жорж Садуль напоминает, что «напалм производится в США компанией Дюпон де Немур из первичного сырья, поставляемого Стандарт Ойл». Оба эти треста—крупные совладельцы кинокомпании «Парамаунт». И фильм представляется критику прежде всего варварской рекламой «такого отвратительного продукта, как напалм».

Использование романа Герберта Уэллса для рекламирования напалма — не единственная кощунственная махинация, проделанная компанией «Парамаунт» при экранизации «Войны миров».

Постановщики фильма сделали все, чтобы способствовать разжиганию военного психоза. Они «модернизировали» действие романа и перенесли его из Англии в Соединенные Штаты, изобразив именно Америку в качестве жертвы «космического агрессора», стремясь показать, какие бедствия грозят американцам в случае внезапного нападения на «неподготовленные к войне» США. Все способы борьбы с «противником», грозящим полностью уничтожить Соединенные Штаты, не приносят в фильме никакого результата. «Космический агрессор» неуязвим даже для атомного оружия и сам им располагает. Попытка занязать мирные переговоры кончается крахом: американские парламентеры уничтожены «лучами смерти». В ожидании гибели жители американских городов, собравшись в церквах, молят бога совершить чудо. Их молитвы услышаны: небеса отправляют в помощь американской армии... бактерии, от которых и гибнет «космический агрессор». Фильм кончается торжественным гимном всемогущему господу богу и ниспосланным им невидимым спасителям Америки.

«Если хочешь мира, готовь бактериологическую войну»,— так саркастически резюмировала смысл картины «Война миров» газета «Юманите».

Однако зрители отнюдь не склонны соглашаться с этой навязываемой им «заатлантической моралью». Как сообщают французские газеты, при демонстрации «Войны миров» в парижском кинотеатре «Парамаунт» в зрительном зале неоднократно раздавались возгласы протеста против милитаристического содержания картины.

Некоторые из зрителей, желая лучше разобраться в том, какими приемами пользовались постановщики фильма, фальсифицируя роман Герберта Уэллса, по возвращении из кинотеатра перечитали «Войну миров». Так, в частности, поступила

Рис. В. Фомичева

кинокритик Жозетта Декс, написавшая затем в статье «Нет, это не Уэллс»: «Фильм «Война миров» непосредственно входит в серию, специально предназначенную для подготовки умов к новой войне. Он не имеет ничего общего с фантастикой романов Уэллса, полной великодушной заботы о людях».

Поистине господам, занимающимся фальсификацией Уэллса и скупающим его рукописи, следовало,— если они хотят выходить сухими из воды,— позаботиться о том, чтобы скупить заодно и все его книги, имеющиеся в общественных и личных библиотеках, в частности во Франции. «Абсурдная идея!» — могут воскликнуть заправилы кинокомпании «Парамаунт». Не более абсурдная, чем попытка рекламировать напалм и пропагандировать бактериологическую войну на родине Луи Пастера и Ива Фаржа.

Н. РАЗГОВОРОВ

Поль ЭЛЮАР

Мы с тобою

Когда мы с тобою бываем вдвоем
И за руки крепко друг друга
берем,—
Тогда мы повсюду — как в доме
своем,
Деревья, и воздух, и небо — наш
дом.
Повсюду мы дома: под крышей
любой,
В пустом переулке мы дома
с тобой,
На улице, рядом с кипящей
толпой,—
Повсюду мы дома с тобой.
Загадок мы в нашей любви
не найдем.
У всех на виду, на глазах мы
с тобой.
Влюбленные — всюду, как в доме
своем.

1952 г.

Перевел с французского
М. ВАКСМАХЕР,
преподаватель Читинского
педагогического института

Стихи из сборника «Феникс». На русском языке публикуются впервые.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва, 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б02043.